

МАТЮШИНА Инна Геральдовна / MATYUSHINA Inna G.

Институт высших гуманитарных исследований им. Е. М. Мелетинского, РГГУ & Университет Эксетера / E. M. Meletinsky Institute for Advanced Studies in the Humanities, Russian State University for the Humanities & University of Exeter
Россия, Москва & Соединённое Королевство, Эксетер / Russia, Moscow & United Kingdom, University of Exeter
innamat@hotmail.co.uk

«САГА О КЛАРУСЕ»: ЖАНР, КОМПОЗИЦИЯ, СТИЛЬ

CLÁRI SAGA: GENRE, COMPOSITION AND STYLE

Abstract: The article argues that *Clári saga* presents a rare example of plot, genre and style contamination. Its composition unites two plots: the bridal quest (involving the trials of the eponymous hero) and the taming of the shrew (involving the trials of the heroine). The latter appears unmotivated (because by the end of the bridal quest narrative the heroine is sufficiently tamed by the loss of her virginity) but can be accounted for by the influence of the canons of the fairy tale. In terms of genre, as is shown in the article, *Clári saga* combines themes and images of the fairy tale, chivalric romance and *exemplum*. The saga is permeated by characteristically folklore motifs and compositional features: its structure is determined by the use of the sacred number three (three trials of the hero, three trials of the heroine, three scenes of the hero's flogging, three scenes of blows received by the heroine from the hero, three visits of the hero, three scenes of the construction of tents, three episodes of Perus' reign etc), endowed in the narrative with an enhanced magic effect. The genre of romance is dominant in the first part of the saga through the following characteristic features: the action is set in a chivalric milieu; the characters belong to courtly society, with its luxurious way of living and sumptuous feasts; and canons of chivalrous behaviour and courtesy are observed by all characters except the main ones. The second part of the saga with its inherent misogyny and didacticism, focuses on the trials of the spirit and the body, the action takes place in an atmosphere of extreme poverty and is centered on sufferings, hardships and deprivations, aimed at testing the endurance and loyalty of the heroine and providing a model for other women, thus paying tribute to the genre of *exemplum*. Genre contamination is sustained by the stylistic features of the saga, characteristic of *exempla* ('learned' style, Latinised syntactic constructions, Latin borrowings), folklore (proverbs, repetitions, parallelisms, an emphasis on numerals) and chivalric romance (cf. the use of words: *kurteiss* 'courteous, chivalrous', *kurteisi* 'chivalry, courtesy', *riddari* 'knight'). Borrowings from Middle Low German, which in the context of the saga in some cases acquire emotionally coloured pejorative connotations, are mostly given the function of a stylistic device and become an integral part of the speech characteristics of heroes. Whether the compiler of the saga was a translator or a creator, whether his name was Bishop Jón Halldórson or Bergr Sökkason, he perfectly mastered the art of narration: by creating the effect of the author's presence through rhetorical questions, by enhancing the impact of the story with the help of references to collective wisdom, proverbs and sayings, by using multiple verbal games and by employing borrowings from Latin and Middle Low German in the speech characterisation of heroes. His literary gift and sense of style made *Clári saga* not only a model for numerous imitations in the Middle Ages but also a source of entertainment for today's readers.

Ключевые слова / Keywords: Сага, сага о Кларусе, рыцарский роман, *exempla*, сказка, фольклор, устная традиция, брачные испытания, укрощение строптивой, учёный стиль / Saga, *Clári saga*, chivalric romance, *exempla*, fairy tale, folklore, oral tradition, bridal trials

Вступительная статья

«Сага о Кларусе»: жанр, композиция, стиль

«Сага о Кларусе» сохранилась в двадцати четырёх рукописях¹, из которых наиболее ранние, Стокгольмский кодекс (Stock. Perg. 4to no.6, ок. 1400 г.) и рукопись из Арнамагнеанского собрания (AM 657b 4to, конец XIV в.), основаны на несохранившемся общем источнике. Составитель Стокгольмского кодекса включает «Сагу о Кларусе» в собрание переводов рыцарских романов или рыцарских саг (*riddarasögur*), таких как «Сага об Эреке» (переложение романа Кретьена де Труа «Эрек и Энида»), «Сага об Элисе и Розамунде» (переложение старофранцузской жести «Эли де Сен-Жилль»), «Сага о Бевисе» (переложение несохранившейся версии англо-нормандской поэмы «Бев из Амтона»), «Сага о Фловенте, конунге франков» (переложение утраченной песни о деяниях, отличающейся от французской песни «Флоовант», оригинальный текст которой восстанавливается по единственной рукописи N 349 из библиотеки Монпелье) и, следовательно, по всей видимости, считает сагу переложением рыцарского романа.

Составитель рукописи из Арнамагнеанского собрания (AM 657b 4to), датированной 1350 г. и записанной в бенедиктинских монастырях северной Исландии (Тингейрар и Мункатвера), включает «Сагу о Кларусе» в собрание текстов, которое состоит из шестидесяти *exempla*, переведённых с латыни, нескольких агиографических текстов (двух видений, саги о чудесах Пресвятой Девы Марии, «Саги о Святом Михаиле», «Саги о Святом Фоме») и «Саги о Йоуне Соннике». Составитель, таким образом, вероятно, соотносит «Сагу о Кларусе» с жанром *exempla*. Предполагалось, что рукопись AM 657b 4to могла быть составлена учёным и аббатом монастыря Мункатвера Бергом Соккасоном, который жил и работал в

¹ Полный список рукописей саги приводится в библиографии рыцарских саг (*Kalinke M., Mitchell P. M. Bibliography of Old Norse-Icelandic Romances. Ithaca (NY), 1985 (=Islandica. Vol. 44). P. 72–75*): Арнамагнеанское собрание: AM 179, fol. (XVII в.), AM 181e, fol. (ок. 1650 г.), AM 395, fol. (XVIII в.), AM 567, 4to IX (нач. XVI в.), AM 589c, 4to (XV в.), AM 589d, 4to (XV в.), AM 657a-b, 4to (конец XIV в.); коллекция Расмуса Раска в Копенгагенском университете: Rask 31 (XVIII в.); Британская библиотека: Add. 4870, 4to (XVIII в.), Lbs 222, fol. (1695–1698 гг.), Lbs 1491, 4to (1880–1905 гг.), Lbs 1637, 4to (ок. 1780 г.), Lbs 2319, 4to (1727–1729 гг.), Lbs 3021, 4to (1877 г.), Lbs 4489, 4to (1885 г.), Lbs 2315, 8to (1780–1819 гг.), Lbs 2484, 8to (ок. 1852 г.) Lbs 2956, 8to (1858–1864 гг.), JS 636, 4to (XVII–XIX вв.), IB 138, 4to (1774 г.); Скагафьордюрский архив в Сёйдаркроукюре, Исландия (*Héradsskjalasafn Skagfirðinga, Sautárkrókur*): HSk 32, 8to (кон. XIX в.); частная коллекция Бёдвара Кварана, Тьяльданес, Исландия (*Böðvar Kvaran, Tjaldanes*): MS. V, 8.b (1914 г.); Королевская библиотека в Стокгольме: Perg. 4:o nr 6 (ок. 1400 г.), Papp. 4:o nr 13 (ок. 1670 г.).

монастыре Тингейрар в 1316–1322 гг.² и записал не только «Сагу об архиепископе Николае» и «Сагу о Михаиле, предводителе ангелов», но и несколько рыцарских саг и «Прядь о Йоуне Хальдорссоне»³. Имя Берга Соккасона называлось в качестве возможного автора «Саги о Кларусе»⁴.

Рукопись АМ 657b 4to завершается кратким житием епископа Йоуна Хальдорссона, которому приписывается сочинение нескольких *exempla* и «Саги о Кларусе». Пролог к «Саге о Кларусе» однозначно указывает на епископа Йоуна Хальдорссона как на создателя произведения. Здесь утверждается, что сага основана на латинском рассказе, сочинённом рифмованным стихом, который был обнаружен Йоуном Хальдорссоном во Франции и переложен им самим на древнеисландский: «Здесь мы начинаем сагу, которую рассказывал достойный муж, блаженной памяти, епископ Йоун Хальдорсон. Он нашёл её записанной по латыни во Франции в том виде, который они зовут ритмическим, мы же называем рифмованным» (Þar byrjum vér upp þessa frásögn sem sagði virðullgr herra Jón biskup Halldórsson, ágætir áminningar, en hann fann hana skrifada með látínu í Frannz í þat form, er þeir kalla rithmos, en vér kollum hendingum)⁵. Скорее всего, речь здесь идёт о норвежце Йоуне Хальдорссоне (ок. 1275–1339), епископе исландского монастыря в Скальхольте в 1322–1339 гг.

Считается, что Йоун Хальдорссон был норвежцем по происхождению, однако его мать могла быть исландкой, так как её имя, Фрейгерд (*Freygerðr*), неизвестно за пределами Исландии. Йоун вырос в Норвегии, был монахом доминиканского ордена в Бергене, изучал богословие в университетах Парижа и Болоньи и, возможно, пересказывал своим ученикам и прихожанам привезённые им из Парижа *exempla*, которые впоследствии были записаны⁶. После завершения образования Йоун Хальдорссон возвратился в Норвегию, провёл там более десяти лет до того, как был избран епископом в Скальхольте и рукоположен в августе 1322 г. Епископ Йоун прибыл в Исландию лишь год спустя и жил там до самой кончины в 1339 г. Из «Саги о Лаврентии» известно, что епископ Йоун был

² Hallberg P. Stilsignalement och författarskap i norrön sagalitteratur: Synpunkter och exempel. Göteborg, 1968 (=Acta Nordistica Gothoburgensia. Vol. 3). S. 179–182; Johansson K. G. Texter i rörelse. Översättning, original textproduktion och tradering på norra Island 1150–1400 // Übersetzen im skandinavischen Mittelalter / Hrsg. V. Johanterwage und S. Würth. Wien, 2007 (=Studia Mediaevalia Septentrionalia. Bd. 14). S. 83–106; *Idem*. A Scriptorium in Northern Iceland: *Clarus saga* (AM 657b 4to) revisited // Sagas and the Norwegian experience = Sagaene og Noreg: 10th International Saga Conference, Trondheim, 3–9 August 1997: Preprints = Fortrykk / Ed. J. R. Hagland. Trondheim, 1997. P. 323–331.

³ Бергу Соккасону приписывается сочинение нескольких рыцарских саг, таких как «Сага о Кирьялаксе» (*Kirjalax saga*), «Сага о Ремунде, королевском сыне» (*Rémundar saga keisarasonar*) и «Сага о Динусе Гордом» (*Dínus saga drambláta*).

⁴ Hallberg P. Stilsignalement och författarskap i norrön sagalitteratur. S. 182–186.

⁵ Clári saga / Hrsg. G. Cederschiöld. Halle a. S., 1907 (=Altnordische Saga-Bibliothek. N. 12). S. 1. Нижне примеры из «Саги о Кларусе» приводятся по этому изданию (далее — Clári saga). Издание саги в современной исландской орфографии: Clári saga // Riddarasögur / Bjarni Vilhjálmsson gáf út. Reykjavík, 1954. Bd. V. Bls. 1–61.

⁶ Jakobsen A. Studier i Clarus saga: til spørsmålet om sagaens norske proveniens // Årbok for Universitetet i Bergen. Humanistisk serie. No. 23. 1963. Bergen; Oslo, 1964. S. 17–20.

превосходно образован, считался талантливым проповедником и учёным⁷; он так же свободно владел латынью, как и своим родным языком, и был одним из лучших латинистов Исландии своего времени⁸.

Большинство исследователей считают «Сагу о Кларусе» прозаическим переводом несохранившегося латинского стихотворного романа с ярко выраженным морализирующим началом⁹. Один из первых издателей саги Густав Седершёльд высказал несколько предположений относительно истории создания сохранившегося текста: во-первых, сага могла быть переведена епископом Йоуном в Париже и привезена им в Норвегию; во-вторых, она могла быть переведена в Париже по просьбе Йоуна; в-третьих, латинский текст поэмы мог быть привезён епископом в Скандинавию и переведён им самим; и наконец, латинский текст оригинала мог быть привезён в Норвегию и переведён в монастыре в Бергене или в Скальхольте¹⁰. На основании исследования языковых особенностей саги (её фонологии, лексики, синтаксиса) высказывалось предположение, что первый перевод саги был сделан на норвежский язык, возможно, самим епископом Йоуном, а затем норвежский перевод послужил основой исландского переложения (все сохранившиеся рукописи саги были составлены в Исландии)¹¹.

Композиция саги линейна и состоит из пролога, первой части, повествующей об испытаниях героя, второй части, рассказывающей об испытаниях героини, и заключения. В прологе говорится о создателе саги епископе Йоуне Халльдорссоне и сообщается о её основных персонажах: королевском сыне Кларусе, его наставнике Перусе и высокомерной принцессе Серене, дочери французского конунга Александра, которая отвергает всех женихов и самую мысль о браке.

Основная тема первой части определяется брачными испытаниями героя, который хитростью пытается завоевать ненавидящую его девушку и склонить её к браку. Как только герой объявляет о своих намерениях, Серена вынуждает его пролить яйцо на одежду и выставляет с пира, обзывая «мужланом» (*forþari*) и советуя ему поискать подходящего общества среди бродяг и оборванцев. С помощью своего

⁷ «После этого был избран епископ Йоун Халльдорсон и рукоположен как епископ Скальхольта, он принадлежал к доминиканскому ордену, был великим учёным и превосходным проповедником, и он долго учился за границей в Болонье и в Париже во Франции» (гл. 37). Перевод фрагмента из «Саги о Лаврентии» сделан по изданию: *Biskupa sögur III: Árna saga biskups, Lárentius saga biskups, Sögubáttir Jóns Halldórssonar biskups, Biskupa ættir / Guðrún Ása Grímsdóttir gáf út. Reykjavík, 1998* (=Íslenzk fornrit. Bd. 17).

⁸ В «Саге о Лаврентии» говорится о том, что епископ Йоун был выдающимся латинистом («Там правили упомянутые епископы: господин Йоун в Скальхольте, и господин Лаврентий в Хоуларе. Люди говорили, что никогда не было в Исландии лучше латинистов» — гл. 48); он свободно владел латынью как письменным языком («То письмо было написано на латыни, превосходное сочинение, и оно показывало непревзойденную ученость епископа Йоуна» — гл. 54); произносил речи на латыни («епископ Йоун произнёс вступительную речь на латыни» — гл. 55); говорил на латыни как на своём родном языке («Мы все знаем, господин Йоун, что владение латынью у тебя такое же свободное, как и твоим родным языком» — гл. 55). Перевод фрагментов из «Саги о Лаврентии» сделан по изданию: *Biskupa sögur III*.

⁹ *Jakobsen A. Studier i Clarus saga.*

¹⁰ *Clári saga. S. XXVII–XXVIII.*

¹¹ *Jakobsen A. Studier i Clarus saga. S. 43–55.*

мудрого учителя из Аравии Перуса, отвергнутый жених, изменивший внешность и назвавшийся принцем Эскельвардом, завоёвывает Серену и получает согласие на брак. Девушка выражает готовность провести с ним ночь, а затем и выйти за него замуж, только чтобы заполучить приглянувшиеся ей предметы. Выпив вина, Кларус три ночи подряд погружается в глубокий сон, во время которого приближённые Серены трижды избивают его. Третья ночь оказывается для жениха более счастливой, так как благодаря совету наперсницы Серены Кларусу удаётся одержать победу над строптивой невестой. Вопреки канонам жанра, сага не заканчивается описанием брачного торжества, но повествует о мести Кларуса за нанесённые ему оскорбления.

Вторая часть саги посвящена испытаниям строптивой невесты. После свадьбы Серена просыпается в пустой комнате и видит рядом с собой оборванного бродягу (переодетого Перуса). В течение года ей приходится сопровождать его во всех странствиях, выносить невзгоды и унижения, пока она наконец не доказывает свое постоянство и не воссоединяется с Кларусом. Нельзя не заметить, что в основе второй части «Саги о Кларусе» лежит сюжет укрощения строптивой невесты. Серену из «Саги о Кларусе» сравнивали с повелительницей Трюд, о которой рассказывается в «Беовульфе» (строки 1934–1955), и отмечали сходство в характере и судьбе обеих героинь: их гордыню, преодолённую после брака, и превращение в идеальных правительниц¹².

«Сага о Кларусе», представляющая собой, насколько известно, первое сохранившееся в Исландии повествование о брачных испытаниях жениха, вероятно, оказала влияние целую группу саг, в основе которых лежит похожий сюжет. Таковы: «Сага о Сигргарде Смелом» (*Sigrðar saga frækna*), «Сага о Гиббоне» (*Gibbons saga*), «Сага о Динусе Заносчивом» (*Dínus saga drambláta*), «Сага о Викторе и Блавусе» (*Viktors saga ok Blávnus*), «Сага о Сигурде Молчаливом» (*Sigurðar saga þögla*), «Сага о Нитиде» (*Nitida saga*)¹³. Предполагалось, что в «Саге о Кларусе» впервые в исландской литературе использовался образ строптивой невесты (принцессы Серены), повлиявший на создание образов дев-правительниц (*meykongr*)¹⁴, подобных пятнадцатилетней Ингигерд, героине «Саги о Сигргарде Смелом», Флоренции в «Саге о Гиббоне», Филотемии в «Саге о Динусе Заносчивом», Фульгиде в «Саге о Викторе и Блавусе», Седентиане в «Саге о Сигурде Молчаливом», Нитиде в «Саге о Нитиде». Нельзя исключать того, что «Сага о Кларусе» могла быть известна создателю «Саги о Нитиде»: герои обеих саг (Кларус и Ливориус) называют себя именем Эскильвард (*Eskilvarður*); обе саги основаны на сюжете свадебных испытаний;

¹² Kalinke M. Bridal-Quest Romance in Medieval Iceland. Ithaca (NY), 1990 (=Islandica. Vol. 46). P. 66–108.

¹³ Bibire P. From riddarasaga to lygisaga: The Norse Response to Romance // Les Sagas des Chevaliers (Riddarasögur): Actes de la Ve Conférence Internationale sur les Sagas (Toulon, Juillet 1982) / Ed. par R. Boyer. Paris, 1985. P. 55–74; Kalinke M. Bridal-Quest Romance in Medieval Iceland. P. 98–107.

¹⁴ Jóhanna Katrín Friðriksdóttir. From Heroic Legend to 'Medieval Screwball Comedy'? The Origins, Development and Interpretation of the Maiden-King Narrative // The Legendary Sagas: Origins and Development / Ed. by A. Ney, A. Lassen, Ármann Jakobsson. Reykjavík, 2012.

в обеих сагах властная невеста подвергает испытаниям своего жениха, который меняет свой облик и свое имя; имена саговых персонажей Нитида, Серена и Кларус восходят к латинским прилагательным (*nitidus, serenus, clarus*) со значением «светлый»¹⁵.

Тем не менее «Сага о Кларусе» отличается от саг о девах-правительницах, так как её героиня не правит страной, хотя её власть в королевстве почти равна власти самого короля (глава 3), и не нуждается в укрощении после свадьбы. Структура «Саги о Кларусе» определяется совмещением двух сюжетов: «укрощение строптивой» (АТ 900–901)¹⁶ и «послушание и супружеская верность» (АТ 887 или «терпеливая Гризельда»¹⁷). Предполагалось влияние на исландские саги о поисках невесты и брачных испытаниях немецких исторических сочинений эпохи Меровингов¹⁸, однако черты сходства не настолько велики, чтобы исключить возможность полигенезиса, тем более что сюжет о строптивой невесте встречается и в германском фольклоре (ср. сказки типа «Король Дроздобород», «Хакон Бородач»).

С фольклорными жанрами, в частности, со сказкой, «Сагу о Кларусе» сближает композиционная функция сакральных чисел: Эскельвард трижды приходит к Серене, его трижды избивают, Серена трижды отправляется в город просить милостыню, Перус строит три шатра, шатры передвигаются при помощи трёх животных, пиры продолжаются три дня, Перус правит страной саксов три года. Числа в саге не только воспроизводятся, но и зеркально отражаются в связи с разными персонажами: Кларус является к принцессе с 60 дружинниками, Серену сопровождает 60 служанок; Кларус приводит с собой на пир 500 рыцарей, Александр приходит к Кларусу с тем же числом воинов; Перус приказывает Кларусу сочинить пять строф, на Кларуса нападают с побоями пять слуг Серены. Магическая роль чисел, вероятно, унаследованная из фольклора, наделяет их в нарративном пространстве саги композиционной функцией.

Сюжетообразующую роль в «Саге о Кларусе» играют сказочные мотивы и образы, такие как проявление женской инициативы (В. Я. Пропп называет невесту волшебной сказки «великой чародейкой», «воинственной девой», «богатырь-девкой», «царь-девицей»¹⁹) и относительная пассивность мужчины, характерная для архаического матрилокального брака²⁰ (в первой части саги Кларус подвергается

---

¹⁵ О «Саге о Нитиде» см. подробнее: *Матюшина И. Г.* «Сага о Нитиде»: Перевод, вступительная статья, комментарий // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 1. С. 120–142.

¹⁶ *Aarne A., Thompson S.* Types of the Folktale: A Classification and Bibliography. 2nd revision. Helsinki, 1981 (=FF Communications. Vol. 75. No. 184). P. 310–312.

¹⁷ *Ibid.* P. 302–303. Насколько известно, наиболее ранний пример сюжета о терпеливой Гризельде (возможно, восходящего к устной традиции) даёт «Декамерон» Боккаччо (1352 г.), один из наиболее известных — «Кентерберийские рассказы» Чосера (рассказ оксфордского студента).

¹⁸ О немецких памятниках на сюжет поиска невесты см.: *Bornholdt Cl.* Engaging Moments: The Origins of Medieval Bridal-Quest Narrative. Berlin, 2005 (=Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Bd. 46).

¹⁹ *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 323.

²⁰ *Мелетинский Е. М.* Герой волшебной сказки: Происхождение образа. М.; СПб., 2005. С. 203.

унижениям и избиениям и играет чисто страдательную роль); убегание жениха²¹ или магическое бегство жениха с превращениями, переменной облика и погоней²² (Кларус меняет облик, называется чужим именем Эскельварда и дважды покидает Серену: в первой части саги на три года, во второй части — на год); сокрытие героя под «низкой» личиной «грязного парня», «беднейшего из бедных» и «ужасно безобразного»²³ (во второй части саги роль «укротителя» строптивой невесты исполняет Перус, скрытый под личиной отвратительного грязного бродяги); присутствие волшебного помощника (учителя-колдуна)²⁴, воплощающего магическую силу героя перед вступлением в брак (в саге невесту для героя завоёвывает его наставник Перус); обладание магическими средствами и силами²⁵, в том числе тотемными животными, которые должны показать способность героя управлять природой²⁶ (Перус владеет волшебством, а изготовленные под его руководством животные — медведь, лев и грифон — вызывают у невесты неукротимое желание обладать ими).

Отдельного упоминания заслуживает сказочный мотив брачных испытаний, положенный в основу композиции «Саги о Кларусе». Как и сказка, сага не оканчивается вступлением в брак, так как её герой, как и сказочного жениха, ждёт испытание брачной ночи. Опасность брачной ночи, как писал В. Я. Пропп, может быть связана с таинственной гибелью всех женихов (в саге Перус упоминает о бедах, которые ждут женихов героини) или с магической силой невесты, наложением её тяжёлой руки, то есть с попыткой удушения жениха²⁷ (в саге Кларуса трижды избивают, причем первые два раза — до полусмерти). Пропп считает, что в сказочных мотивах «бессилия жениха, демонической силы женщины и превосходящей ее силе помощника, который побеждает царевну»²⁸, «образно отразилось представление об опасности дефлорации женщины и что эта опасность — мифологического свойства. Она — отражение представления о могуществе женщины»²⁹. В «Саге о Кларусе» герою удаётся победить Серену только с помощью своего наставника Перуса, который исполняет роль волшебного помощника. После брачной ночи нрав строптивой невесты улучшается, и она более не нуждается в укрощении, однако вторая часть саги тем не менее посвящена её, казалось бы, немотивированным испытаниям. Можно предположить, что введение сюжета укрощения невесты объясняется следованием канонической структуре волшебной сказки.

---

²¹ Там же.

²² Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 342.

²³ Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. С. 54.

²⁴ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 307.

²⁵ Там же. С. 331.

²⁶ Там же. С. 341.

²⁷ Там же. С. 325.

²⁸ Там же. С. 326.

²⁹ Там же. С. 327.

Согласно теории Проппа, укрощение невесты, обычно осуществляемое волшебным помощником, который «берет трех сортов прутья и истязает царевну»³⁰, объясняется стремлением лишить её силы, заставить её стать покорной и слушаться мужа: «Страх брачной ночи есть страх перед еще не сломленной властью царь-девицы. Этой власти ее лишают, лишают силой посвящения, через которое проходит только мужчина. Отныне женщина порабощена, она уступила мужчине всю власть, она отступила от последней цитадели, где, как полагали, она еще может проявить свое таинственное могущество. Отныне безраздельно властвует мужчина»³¹. Именно в стремлении показать эту «безраздельную власть мужчины» и состоит, как можно предположить, задача создателя «Саги о Кларусе», взявшего за образец сюжет волшебной сказки как наиболее близкий по композиции и функции.

Тем не менее «Сага о Кларусе» существенно отличается от волшебной сказки по ряду структурных и композиционных признаков. Во-первых, хотя женитьба на царевне представляется «главной целью героя и высшей ценностью в иерархии сказочных ценностей»³², тем не менее в саге счастливый брак героя отнюдь **не** «является конечным звеном, последним и высшим пунктом синтагматического развертывания сюжета»³³, его «развязкой», а брачная тема **не** «совпадает со счастливым концом»³⁴ (за свадьбой следует вторая часть саги, посвящённая испытаниям героини). Во-вторых, хотя сюжет саги близок сюжетам сказок о добывании чудесных предметов (АТ 550–551, 560–569), в которых «мифологическая героиня уступила место новеллистическим перипетиям и хитростям, а полученный довольно легко чудесный предмет моментально используется для приобретения жены-царевны»³⁵, чудесные предметы в саге (в отличие от сказок АТ 560–569) отнюдь не «остаются первоначальной целью героев», но лишь «становятся ступенькой для “счастливой” женитьбы»³⁶. В «Саге о Кларусе» чудесные предметы, которыми жаждет завладеть героиня, используются для разоблачения её алчности и служат её исправлению. В-третьих, в саге отсутствует мотив «индивидуального перехода героя от низшего общественного статуса к высшему с помощью “чудесной” женитьбы»³⁷, которая в данном случае не приносит освобождения из конфликтной ситуации. В отличие от персонажей сказки герой «Саги о Кларусе» отнюдь не нуждается в том, чтобы повысить свой социальный статус благодаря женитьбе.

В «Саге о Кларусе» присутствуют композиционно-жанровые черты не только сказки, но и рыцарского романа, и *exempla*. Первая часть саги напоминает рыцарский

³⁰ Там же. С. 326.

³¹ Там же. С. 330.

³² Мелетинский Е. М. *Женитьба в волшебной сказке (ее функция и место в сюжетной структуре)* // *Он же. Избранные статьи. Воспоминания*. М., 2008. С. 295.

³³ Там же. С. 295.

³⁴ Там же. С. 297.

³⁵ Там же. С. 298.

³⁶ Там же. С. 299.

³⁷ Там же. С. 303.

роман (действие происходит в рыцарской среде и содержит описания великолепных пиров, драгоценностей, роскошеств придворной жизни). Вторая часть сближает её с жанром *exemplum* (акцент ставится на испытаниях духа и тела, повествование разворачивается в атмосфере крайней нищеты, рассказывается о всяческих лишениях, несчастьях, страданиях, долженствующих закалить героиню и проверить её стойкость, верность и мужество). В заключении создатель саги объясняет причины испытаний героини и даёт их назидательное истолкование всего нарратива в духе *exemplum*: Серена «дала ясный пример того, как подобает другим добрым женщинам хранить верность своим мужьям или обрученным» (...gefandi svá á sér ljós dæmi, hversu óðrum góðum konum byrjar at halda dygð við sína eiginbændr eða unnasta). Из приведённых строк следует, что цель саги состоит в том, чтобы дать женщинам урок постоянства и добродетельного поведения. Как считает Марианн Калинке, употребление слова *dæmi* 'пример' свидетельствует о том, что сага должна быть интерпретирована как относящаяся к жанру *exemplum*³⁸. На основании сюжетного сходства саги с жанром *exemplum*, исследователи считали сагу не переводом, но оригинальным сочинением: «из эпилога саги о Кларусе становится ясно, что епископ Йоун использует жанр романа для создания сознательно избранного образца, объясняющего его непоколебимые убеждения в необходимости ответственного поведения жён по отношению к своим мужьям»³⁹. Однако нельзя не заметить, что с жанром романа сагу сближает только её первая часть, а с жанром *exemplum* — вторая часть и эпилог.

Жанровая контаминация проливает свет на семантические и стилистические особенности саги, характерные для рыцарских романов: следование канонам рыцарского поведения, обходительности, учтивости; использование лексики, восходящей к рыцарским романам, например, слов *kurteiss* 'куртуазный, обходительный', *kurteisi* 'куртуазия, светскость, вежливость', *riddari* 'рыцарь'. Вместе с тем сага строится на характерном для сказки использовании мотивов, образов и сакральных чисел; а присутствующие в ней мизогинизм и назидательность, особенно ярко проявляющиеся во второй части саги, и употребление «учёного» латинизированного стиля заставляют вспомнить о жанре *exemplum*.

Характерную черту стилистики саги составляет использование пословиц и поговорок (таких как *hinn ríkari verður ráð að segja* — «советы дают власть имущие», *eigi ver einn eitur alla* — «одна клятва не покрывает всех») и парных синонимических конструкций, таких как *listug og fegur* — «обходительный и прекрасный», *maket og maner* — «почёт и поведение», *kukel og klókskapur* — «волшебство и хитрость», *volke og vandræði* — «волнения и бедствия». Авторские вторжения в повествование проявляются в использовании риторических вопросов (*Hvað meira?* — «Что же далее?

³⁸ Kalinke M. *Clári saga: A Case of Low German Infiltration* // Scripta Islandica: Isländska sällskapets årsbok. 2008. Vol. 59. P. 9.

³⁹ Hughes S. F. D. *Clári saga as an Indigenous Romance* // Romance and Love in Late Medieval and Early Modern Iceland: Essays in Honor of Marianne Kalinke / Ed. by K. Wolf and J. Denzin. Ithaca (NY), 2008. P. 157.

Чего больше?», *Hvað langt?* — «Как долго?» или *Hvað þarft hér langtírn?* — «Какая нужда медлить?»), формул (ср. *Ok hvárt sem þær tala langt eða skamt* — «И долго ли, коротко ли они говорили»), выражений, подобных *Er þar skjótt af að segja* — «Можно быстро рассказать о том, что...», усиливающих ощущение, что рассказчику известно более того, о чём говорится в саге. Риторические вопросы создают впечатление авторского присутствия в повествовании и употребляются в наиболее семантически значимых фрагментах саги (унижения героя, испытания героини). Пословицы и поговорки, возможно, унаследованы создателем саги из фольклорной традиции, однако, несомненно, используются им как стилистический приём в эмфатической функции.

Стиль «Саги о Кларусе» можно назвать «книжным», в ней встречаются метафоры, исландская юридическая лексика, латинские синтаксические конструкции. Из оригинала, возможно, унаследованы латинские падежные формы (ср. окончание латинского винительного падежа в словосочетании *til Teclam* — «к Текле», ср. лат. *ad Teclam*; или окончание латинского родительного падежа *með ráðum Teclae* — «с советом Текль») и заимствования из латыни (*í Paradisum* — «в Раю», *bissum og cicladem* — «полотно и парча», *af þeim carbunculo* — «из этих рубинов», *signum* — «знак», *solarium* — «солнечная комната», *setur hann ein limitem* — «поставил он преграду»). В саге употребляются переводы латинских конструкций (ср. отражение *ablativus absolutus* во фразе *og að skipunum búnum og öllum blutum vel til fengnum* — «и когда корабли приготовили и обо всех вещах хорошенько позаботились» или *at komanda morni* — «когда наступило утро»), кальки латинских идиом (ср. лат. выражение *quis multa* и исландское *og hvað meira* — «и что же больше»), игра слов, основанная на латинских словах (например, замена имени *Serena* на *Severa* обыгрывает значения латинских слов *serenus* «спокойный» и *severus* «суровый»), причастные обороты (*styrkjandi hans ráð og ríki með öllum mætti og megni* — «укрепляя свою власть и страну со всей мощью и силой»)⁴⁰. В использовании латинизированных конструкций, несомненно, можно видеть признак учёного стиля.

Лексика «Саги о Кларусе» испытала влияние нижненемецкого языка, о чём свидетельствует употребление многочисленных заимствований из него: *angst* «несчастье», *espinger* «лодка на корабле», *fordrifast* «исключать», *fyrirstanda* «понимать», *hóf* «пир», *junker* «юноша», *krankur* «больной», *lykt* «запах», *skari* «общество», *skerfur* «монетка», *stolz* «гордый»⁴¹. Особенно много заимствований из нижненемецкого встречается в речах Серены, относящихся к Кларусу и его спутникам: *skálker* «негодяй» (ср. нижненем. *schalk* «мошеник»), *þorpari* «мужлан» (ср. нижненем. *dorper* «трубиян»), *fantar* «бродяга» (ср. нижненем. *vant* «бродяга»), *ribbaldar* «пройдоха» (ср. нижненем. *ribalt* «головорез»)⁴². В словах Перуса о Серене и её уловках и хитростях тоже используются заимствования из нижненемецкого: *kukel* «колдовство» (ср. нижненем. *gokelen* «обманывать, надувать», *gokeler* «обманщик, трикстер»), *klókskapr* «хитрость»

⁴⁰ Hughes S. F. D. Klári saga as an Indigenous Romance. P. 142–143; Kalinke M. Clári saga. P. 11. Ср. также в предисловии Г. Седершёльда к его изданию саги: Clári saga. S. XX–XXIV.

⁴¹ Kalinke M. Clári saga. P. 5–25. См. также: Hughes S. F. D. Klári saga as an Indigenous Romance. P. 144.

⁴² Kalinke M. Clári saga. P. 14–15.

(ср. нижненем. *kloken* ‘обманывать’), *kyndugskaþ* ‘коварство, хитрость’ (ср. нижненем. *kundicheit* ‘хитроумие, заносчивость’).

Знаменательно, что заимствованные из нижненемецкого слова со значением «колдовство» (*kukl*), «хитрость» (*klókskaþr*) применяются в саге и к Перусу, которому удаётся противостоять уловкам Серены и отомстить за унижение Кларуса. Так, отец героя выражает уверенность в том, что Перус сможет победить Серену «своим умом, хитростью и учёностью» (*með sínu viti ok klókskaþ ok klerkdómi*); Перус одерживает над героиней верх «большим колдовством, и теми умениями, и хитростью, о которых сейчас было рассказано» (*með miklu kukli ok þeim listum ok klókskaþ, sem nú var frá sagt*); укрощённая в конце саги Серена узнает, что и на её уловки (*nokekut klóket* — «нечто хитрое») есть более могущественное «колдовство» (*kukl*) и «коварство» (*klókskaþr*).

Создаётся впечатление, что нижненемецкие заимствования приобретают в контексте саги отрицательные коннотации (хитрости, уловки, коварство), в то время как латинские заимствования (*klerkdómr* ‘учёность’) принадлежат к учёной лексике и окрашены в стилистически положительные тона. Присутствие нижненемецких заимствований объясняли как тем, что переводчик саги жил и трудился над своим произведением в интернациональной среде (возможно, в Париже)⁴³, так и тем, что он мог принадлежать к монастырю в Бергене, крупному торговому городу и центру ганзейской лиги⁴⁴. Однако можно высказать и иное предположение: в контексте саги заимствования из нижненемецкого относятся к эмоционально окрашенной (в отдельных случаях пейоративной) лексике и используются как стилистический прием.

Был ли составитель саги переводчиком или создателем, звался ли он епископом Йоуном Халльдорсоном или Бергом Соккасоном, он мастерски владел искусством повествования, объединяя сюжеты, мотивы и образы разных жанров (сказки, романа и *exemplum*), находя для этих жанров идеальное стилистическое воплощение, создавая эффект авторского присутствия, вводя риторические вопросы, усиливая эмоциональность рассказа при помощи пословиц и поговорок, обыгрывая заимствования в речевой характеристике героев. Благодаря литературному дару и чувству стиля создателя «Саги о Кларусе», она не только вызвала многочисленные подражания в Средние века, но и не утратила интереса для читателей в наши дни.

Предлагаемый ниже перевод саги выполнен по изданию: Clári saga / Hrsg. G. Cederschiöld. Halle a. S.: Verlag von Max Niemeyer, 1907 (=Altnordische Saga-Bibliothek. N. 12).

⁴³ Clári saga. S. XXVII–XXVIII.

⁴⁴ Эту точку зрения высказывает в сноске Седершёльда (Ibid. S. XXIX) и подробно аргументирует Альфред Якобсен (*Jakobsen A. Studier i Clarus saga*. S. 43–104).

«Сага о Кларусе»: перевод и комментарий

Глава 1

Здесь мы начинаем сагу⁴⁵, которую рассказывал⁴⁶ достойный муж, блаженной памяти⁴⁷, епископ Йоун Халльдорсон. Он нашёл её записанной по латыни во Франции в том виде, который они (*франузы*. — *II. M.*) зовут ритмическим, мы же (*исландцы*. — *II. M.*) называем рифмованным⁴⁸. Она начинается так: король⁴⁹ саксов Тибурций правил своей страной с великой славой и честью⁵⁰. Он был знаменит не только своим положением и величием, но и своей щедростью и великодушием⁵¹, а также тем, что владел королевским золотом и драгоценностями, дорогими коврами⁵² и всеми сокровищами страны, и сопровождавшими его прекрасными рыцарями. Много благородных вождей пользовалось поддержкой короля, укрепляя его закон и страну со всей силой и мощью⁵³, как его смиренные слуги. Король был женат, у него была добродетельная правительница⁵⁴; она происходила из королевского рода и из знатной семьи⁵⁵, и была во всех отношениях достойна любви правителя. У короля и королевы был единственный сын, его звали Кларус. Он по праву и по справедливости получил это имя, ибо Кларус значит «светлый» на нашем языке, и в то время не было в мире прекраснее мужа из плоти и крови⁵⁶.

⁴⁵ В оригинале употреблено слово *frú-saga* ‘сага, рассказ, повествование’.

⁴⁶ Употребленное здесь слово *sagði* ‘рассказывал’, возможно, содержит отсылку к устной традиции.

⁴⁷ Скорее всего, перевод латинского выражения *clarissimae memoriae*.

⁴⁸ Букв. «который они зовут “ритмом”, а мы называем “хендингами”» (*er þeir kalla rithmos, en vér kollum bendungum*). В этой фразе даётся объяснение латинского слова *rithmos* при помощи скандинавского слова «хендинги» (*bendingar*) — рифмы. Скальдическая поэзия различает два вида рифмы: полную (адаальхендинг, используемый в чётных строках) и консонанс (скотхендинг, который встречается в нечетных строках).

⁴⁹ В тексте саги используется латинское заимствование *keisari*, а не скандинавское слово «конунг».

⁵⁰ В формуле *heiðri ok sama* оба слова почти синонимичны и имеют значение «слава»; употребление таких парных синонимичных формул составляет характерную черту стиля «Саги о Кларусе».

⁵¹ В «Саге о Кларусе» нередко встречаются парные формулы с аллитерацией, такие как *råd og ríki* — «власть и страна», *með öllum mætti og megni* — «со всей мощью и силой».

⁵² Употреблённое в оригинале словосочетание *dýrir vefir*, в котором слово *vefir* может обозначать любую ткань или полотно, в том числе парчу и ковры, относится к устойчивым фразеологизмам.

⁵³ Использованные в саге причастные обороты, такие как *styrkjandi hans råd og ríki með öllum mætti og megni* — «укрепляя его закон и страну со всей мощью и силой», представляют собой характерную черту учёного стиля.

⁵⁴ Для обозначения жены короля в саге используется не заимствованное слово *keisarinna*, но исконное слово *dróttning* ‘правительница’.

⁵⁵ Трудное для перевода выражение *vel mannaða* ‘хорошо оснащённый людьми’, применённое к кораблю, в данном контексте сочетается с *að att* — «в роду», и описывает королеву как происходящую из хорошего рода.

⁵⁶ Составитель саги сообщает, что его герой по праву носит значимое имя (*Réttliga ok virðkvanniliga fekk hann þat nafn* — «справедливо и достойно получил он это имя») и объясняет его, ссылаясь на перевод (*því at clárús þýðir upp á vart mál þjartar* — «ибо Кларус переводится на наш язык как «светлый»), а затем комментирует выбор имени (*í þann tíma var engi vanni maðr í veröldu með hold ok blóð* — «и в то время не было в мире прекраснее мужа из плоти и крови»).

Он рос и развивался, стремясь к превосходной мудрости и совершенству. И как только он достиг соответствующего возраста, то обратился к занятиям⁵⁷, ибо так богатые люди наставляют своих сыновей в этих странах. Он обучался вопросам и ответам о семи искусствах⁵⁸, и учил его лучший наставник, какой только был во всей стране этого правителя. И ум его был огромен и чудесен, и благодаря ему он превосходил всех людей, а потому он не много лет продолжал своё учение, прежде чем его можно было назвать верховным владыкой⁵⁹ всех живущих в той трети⁶⁰, которую мы именуем Европой. И король в своей мудрости понял, что у его сына в изобилии есть способности стать великим и могущественным человеком⁶¹, и ничего для него не жалел. И так как Кларус пока ещё научился немногому, он (*король*. — *И. М.*) стал размышлять, где бы ещё в мире ему найти нового наставника для своего сына и преподать ему те искусства, о которых ещё не слышали и которых не видали⁶² в тех краях.

Глава 2

В те времена рассказывали о могущественном господине из Аравии, которого звали Перус⁶³. Он превосходил мудростью и знаниями всех людей на земле, и о его искусстве и уме много говорилось в книгах и рассказах⁶⁴. Это произвело на короля

⁵⁷ «Обратился к занятиям» — *til bæk settr*, букв. «обратился к книгам».

⁵⁸ В Средние века семь свободных искусств, включавших тривий (грамматику, риторику, диалектику) и квадривий (геометрию, музыку, математику и астрономию), считались необходимыми для получения образования. Вопросы и ответы, упомянутые в саге, относятся к методике обучения, состоявшей в том, чтобы научить ученика отвечать на вопросы преподавателя, проверяющего знания, и задавать вопросы для того, чтобы приобрести новые знания.

⁵⁹ Для того, чтобы подчеркнуть превосходство героя над всеми людьми, составитель саги использует немецкое заимствование *yfirmeistari* (ср. нем. *Obermeister*, *Altmaster*).

⁶⁰ Три части мира, известные в Средние века, включали Африку, Азию и Европу, которые считались примерно равными по величине.

⁶¹ В формуле «великий и могущественный» (*mikill maðr ok mektugr*), которая характеризует Кларуса, используется нижненемецкое заимствование *mektugr* (ср. нижненемецк. *mechtich*), которое встречается и в описании отца Серены, правителя Франции Александра (*riker, mektugr* — «богатый, могущественный»). То же заимствование употребляется и в изображении одеяний Серены (*mektugra* — «более великолепные», чем когда-либо видели люди).

⁶² В парной формуле *úsénað ok fáheyrðar* — букв. «невиданные и редко слышанные» синонимы употребляются в функции усиления значения.

⁶³ Этимология имени Перус неизвестна, однако, возможно, представляет собой вариант имени Порус, короля Индии, который был одним из противников Александра Великого. Знаменательно, что в саге король Франции (отец Серены) тоже носит имя Александра.

⁶⁴ Образ наставника королевского сына Перуса заставляет вспомнить о магах и волшебниках, упоминаемых в средневековых немецких романах (*Maksymink S. The Court Magician in Medieval German Romance. Frankfurt am Main, 1996 (=Mikrokosmos. Bd. 44)*). Так, волшебник Гансгуотер из поэмы Генриха фон Тюрлина «Корона» (XIII в.) в качестве инженера придумывает и конструирует три необыкновенных замка, наполненных различными чудесными вещами и механическими предметами (*Zach Chr. Die Erzählmotive der Crône Heinrichs von dem Türlin und ihre altfranzösischen Quellen: Ein kommentiertes Register. Passau, 1990. S. 130–139*). Перус в саге тоже выступает в роли «инженера» и строит три шатра, изменяющих местоположение при помощи механических животных, в ногах которых прячутся люди.

такое впечатление, что он послал гонца в дальний путь по долам и весям⁶⁵, и завлѣк господина к своему двору щедрыми обещаниями денег и развлечений для того, чтобы его сын смог воспользоваться великими и разнообразными познаниями Перуса. И что же дальше? Случилось так, что королевский гонец возвратился в положенное время и с тем человеком, который уже был назван (*Перусам. — II. M.*). Король принял его с великим торжеством и почтением. И тотчас же Кларус оказался на его попечении. Так долгое время королевский сын всеми силами преуспевал в учении. Ему казалось, что всё приобретѣнное им ранее было игрой и детскими забавами по сравнению с обучением у господина Перуса.

Глава 3

И когда господин Перус прожил там долгое время, однажды произошло вот что. Прогуливаясь⁶⁶ с королевским сыном в окружении разодетой толпы и прекрасной свиты своих слуг, он обратился к королевскому сыну с такой речью: «Сегодня ты сложишь пять строф⁶⁷ небольшого сочинения⁶⁸ и произнесѣшь их утром в первый час⁶⁹. И вот какая будет тема: конунг Франции зовѣтся Александром, он очень богат и могуществен. У него есть единственная дочь, необыкновенно красивая и очень образованная⁷⁰. Имя её Серена. Можно обойти весь свет, но во всѣм мире не найдѣтся никого более мудрого или более обходительного, чем она⁷¹. Благодаря познаниям, её власть в королевстве почти равна власти самого короля. У неё есть великолепная башня в королевском городе, там живѣт шестьдесят высокородных прислужниц, и все они — её личные служанки. Самая знатная из них зовѣтся Теклой, она дочь конунга скоттов. Ни один муж не входит в её комнату, кроме самого конунга и её приближенных. Тысяча вооружѣнных рыцарей днѣм и ночью стережѣт балконы на башне, дабы защитити и уберечь девиц от всех опасностей и тайных нападений. Проявлением того роскошества, в котором живѣт конунгова дочь, служит то, что у её ног, когда она сидит, лежит львица, кроткая, как ягнѣнок, которая сопровождает её всюду, куда она ни пойдет. Так велика её мудрость и образованность, что она заметила бы твою понятливость не больше, чем смекалку

⁶⁵ В рукописи AM 657b 4to употреблена формула *lands ok sjóvar* — «страны и моря», а в рукописи Stock. Perg. 4to no.6 *lands ok lagar* — «страны и края».

⁶⁶ В начале третьей главы саги используется несколько немецких заимствований, например, *spázérandi* ‘прогуливаясь’, *skara* ‘отряд’, *dikta* ‘сочинять стихи’.

⁶⁷ Повествуя о задании Перуса, составитель саги использует два латинских заимствования подряд: *dikta* (ср. лат. *dictare* ‘сочинять, писать’) и *vers* (ср. лат. *versus* ‘стихотворение’).

⁶⁸ Слово *avintyri* может относиться к сказкам, быличкам, притчам, а также обозначать занимательные рассказы.

⁶⁹ Первый час — 6 часов утра.

⁷⁰ Употребляется то же выражение *vel mannaða* ‘хорошо оснащённый людьми’, что и в описании королевы саксов (см. примечание 53), однако в данном контексте оно изображает Серену как хорошо образованную и воспитанную.

⁷¹ В саге используется французское заимствование *kurteis* — первоначальное значение ‘куртуазный, принадлежащий придворному обществу’, затем ‘вежливый, обходительный’ («более обходительного» — *kurteisari*).

пахаря⁷². Теперь об этом деле рассказано полностью, — сказал господин Перус, — сочиняй же хорошенько!».

И на том они закончили свой разговор, и пошли к столу, но королевский сын ел мало, а пил ещё меньше, а потом провёл всю ночь в постели, а когда настало утро, то встретились Кларус, королевский сын, и господин Перус. Перус спросил, готовы ли стихи. Королевский сын ответил так: «Я не спал всю ночь, не только потому что сочинял стихи, а потому что думал о той юной девице, о которой ты рассказал мне, и я намереваюсь сделать нечто большее, чем просто сочинить пять строф. Услышав твой рассказ, я понял, что не знаю, кроме неё, ни одной юной девушки, которая была бы равна мне по могуществу и воспитанию».

Услышав это, господин на некоторое время замолчал. Немного спустя он сказал с большим чувством: «Да простит меня Господь за то, что я поделился с тобой таким бесполезным рассказом. Ведь я поведал тебе об этой конунговой дочери только самое хорошее и замечательное. Но о ней можно рассказать и много плохого и неподобающего. Сколько бы достойных юношей она не унизила, благодаря своей хитрости⁷³ и колдовству, всё равно трудно сосчитать тех, кто к ней отправляются. А теперь и ты тоже последуешь за ними. Но прошу тебя, оставь эти мысли, ибо никто из живых людей⁷⁴ не может противостоять ее дурному нраву».

Но королевский сын всё равно настаивал на своём решении и был твёрд, как скала⁷⁵. Он сказал, что не успокоится, пока не увидит юную девицу. Господин Перус ответил ему, заметив, что это может привести к большому стыду, если он станет настаивать. Он добавил, что ничего хорошего не выйдет, если ему удастся посмотреть ей в лицо.

Стоит ли медлить? Прошло несколько дней, и Кларус отправился к отцу и рассказал ему о том разговоре, который состоялся у него с Перусом. Он немедленно стал настаивать, чтобы ему одолжили два надёжных корабля и людей, дабы он смог отправиться во Францию посвататься к госпоже Серене. И тогда же он попросил господина Перуса поехать с ним вместе. Однако тот (*Перус. — II. М.*) нарушил его план, отказав ему, и объяснив, что будет беда, если он поедет, а не останется.

⁷² В оригинале использована лаконичная конструкция с эллипсисом: *ad eigi sinnadi hon meira þinu nami en eins akerkarls* — «она не больше заметила бы (*sinna* «считаться, обращать внимание») твою понятливость (*nami* «понятливость, послушание»), чем пахаря» (*akerkarls* < *aker* «пахотная земля»+ *karl* «мужик»).

⁷³ Возможно, слово *kukl* «колдовство, обман, хитрость», представляющее собой нижненемецкое заимствование (ср. нижненем. *gokelen* «обманывать, надувать», нем. *gankeln* «колдовать», англ. *juggle* «жонглировать, хитрить, извращать»), наделяется в контексте саги отрицательными коннотациями.

⁷⁴ Сложное слово *lifandismadr* «живущий человек» представляет собой специфически норвежский композит (напомним, что составителем саги считается епископ Йоун Халльдорссон, который в юности был монахом доминиканского монастыря в Бергене).

⁷⁵ Первый компонент со значением «зола» в редко встречающемся сложном слове *gallhardr*, «твёрд, как зола» приобретает особенную важность в контексте саги (ср. упоминание золы как средства изменения внешности героя, примечание 100).

Но что бы ни говорил господин Перус, король не мог отказать сыну в просьбе, так как любил его. Он тотчас приказал приготовить шестьдесят кораблей и обильно нагрузить их прекрасными товарами, вложив все свои силы в подготовку наилучшего путешествия. Король выбрал самых знатных людей, которые жили в его стране, сыновей герцогов и ярлов, баронов и рыцарей. И когда корабли приготовили и обо всех вещах позаботились⁷⁶, королевский сын отплыл в море со своим отрядом. Им был послан попутный ветер, и созданы благоприятные условия. Об их путешествии ничего не рассказывается, пока они не убрали паруса при виде главного города правителя Франции.

Глава 4

Конунг Александр и его свита увидели эти корабли и пришли в восхищение, заметив искусство управлять судами и обходительность⁷⁷ прибывших людей. Благодаря замечательному посланцу он (*Александр. — II. M.*) незамедлительно получил сведения о происхождении предводителя отряда. И как только он узнал, насколько знатен был тот человек, который к нему явился, то послал своих рыцарей навстречу королевскому сыну и пригласил его к себе домой на трёхдневный пир. Тот принял это приглашение с благодарностью и признательностью.

Во дворце конунга сейчас же последовали приготовления. А затем явился Кларус с пятьюстами людьми. Конунг Александр встретил его с почестями и посадил рядом с собой на престол. Тотчас же начался великолепный пир, во время которого были вручены редкие и дорогие дары и поданы королевские напитки. Все люди той страны и равным образом сам конунг были поражены красотой и учтивостью, утончённостью и обходительностью⁷⁸ королевского сына Кларуса. В палатах тогда зазвучали громкие голоса, и не только в палатах, но и во всём городе, в котором вести распространялись, как огонь в траве, ибо нельзя было найти человека подобного Кларусу, королевскому сыну, даже если обыскать весь мир. Действительно, этот слух достиг внутреннего двора и через запертые двери замка ушей конунговой дочери, и ей очень захотелось узнать, есть ли правда в этих новостях. И так прошёл первый день пира.

⁷⁶ В основе синтаксической конструкции, использованной в саге (*og að skipunum búnnum og öllum blutum vel til fengnum* — «И когда корабли приготовили и обо всех вещах позаботились»), вероятно, лежит латинский оборот *ablativus absolutus*.

⁷⁷ «Обходительность» (*hæveska*), заимствование из нижненемецкого *hovesch* (совр. нем. *höflich*), — ключевое слово в саге, его значение предполагает соответствие этическим нормам, вежливость, хорошие манеры, куртуазное поведение.

⁷⁸ В качестве вторых членов парных формул используются синонимичные заимствования: в первой формуле *fegrð ok kurteisi* ‘красота и учтивость’ употребляется французское заимствование *kurteisi* ‘куртуазность’; во второй формуле *list ok hæversku* ‘утончённость и обходительность’ — заимствование из нижненемецкого (*hæveska* ‘обходительность’, ср. нижненем. *hovesch*; нем. *höflich*). Принимая во внимание семантику слова *list* ‘умение, искусство, утончённость’, можно предположить, что функция скопления трёх контекстуальных синонимов в соседних формулах состоит в акцентировании обходительности, воспитанности, куртуазности героя и предвдвывает мотив оскорбительного поведения героини.

Глава 5

Когда наступило утро второго дня пира, госпожа Серена сказала своей прислужнице Текле: «Сегодня ты спустишься из башни с двенадцатью служанками в палаты моего отца и станешь смотреть со всем вниманием на сына чужеземного короля, его красоту и сложение, и всё его поведение, утончённость и обходительность, ибо нас интересует, есть ли правда в тех слухах, которые распространяются о его внешности и мудрости. Наблюдай за ним, чтобы хорошенько понять, достоин ли он по своему воспитанию того, чтобы быть приглашённым к нам на пир. Ты жизнью ответишь, если нас подведёшь».

«Моя госпожа, — сказала Текла, — я с радостью выполню твоё поручение».

И она сразу же спустилась со своими двенадцатью служанками, и никто не помешал ей на пути, и пришла к престолу конунга Александра, и поклонилась ему, и почтительно приветствовала и его, и Кларуса, королевского сына, со всей его знатной свитой. Госпожа Текла была одета в яркие наряды и сопровождающие её прислужницы тоже. Она была и изящна и красива, и владела необычайным красноречием, и её можно было принять за самую обходительную девушку королевского рода, если бы такая драгоценность не была помещена в иную оправу⁷⁹, и то была конунгова дочь Серена.

Конунг Александр радостно её приветствовал, и вместе с ним все, кто там были, и он пригласил её сесть. Но она заняла место рядом с королевским сыном Кларусом, чтобы лучше выполнить своё поручение. Королевский сын сразу же понял, благодаря своей мудрости, что её приход был вызван желанием его узнать, и позволил ей сделать это, и поместился прямо перед ней. Всё прошло, как он и ожидал, и когда она полностью выполнила поручение своей госпожи, то раскланялась с ними, пожелала им доброго дня, и возвратилась со своей свитой, и никто ей не помешал, как и прежде, и она взобралась на башню.

Госпожа Серена с радостью её приветствовала, а затем спросила о своём поручении и о том, насколько величественным и обходительным оказался королевский сын. «Госпожа, — сказала Текла, — этого юного воина зовут Кларус, он сын Тибурция, короля Саксонии. О его внешности можно сказать, что ангелы на небесах красивее и светлее⁸⁰, но не такие высокие и крепкие. И то же можно сказать о его учтивости и его поведении, насколько я могу о них судить. И такое суждение я

⁷⁹ Предполагается, что в основе употребленного в саге выражения *ef eigi hefði þrjúttíu gimsteinn legið í annað skaut* — «если бы такая драгоценность не была помещена в иную оправу» (досл. «складку одеяния») лежит юридический фразеологизм *að leggja í skaut*, встречающийся в исландском кодексе законов «Серый Гусь» (*Grágás*) (*Hughes S. F. D. Klári saga as an Indigenous Romance*. P. 140).

⁸⁰ Парная формула «красивее и светлее» (*bjartari ok fegri*), вероятно, содержит аллюзию на имя Кларус — «светлый» — *bjartr* (см. примечание 54). Седершёльд предполагает, что в латинском оригинале (если он существовал) могла встречаться игра слов: *Clarus* — *clariores* (*Klári saga*. S. XXII).

могу сообщить тебе, моя госпожа. Исключая тебя, в мире нет никого, равного ему по знатности и достоинству».

«Достоверны две новости, — сказала госпожа Серена, — что ты находишься под сильным впечатлением, и мы в конце концов выясним, так ли в действительности обстоят дела. Но сначала мы подождём и посмотрим, как пройдёт пир. Нам кажется, что как только закончится конунгов пир, королевский сын пригласит нашего отца на трёхдневное пиршество в свой шатёр. Мы хотим осуществить наши намерения через несколько дней и тогда посмотрим, как сложатся обстоятельства».

И что же далее? Именно это и случилось, когда королевский сын пригласил конунга Александра на пир в свой шатёр, и конунг вместе со своими пятьюстами людьми принял его приглашение с благодарностью и признательностью. Немного прошло времени, прежде чем пир стал таким весёлым, что конунг и все его спутники поняли, что никогда так не подкреплялись кушаньем и не отдыхали в обществе таких могучих дружинников. И так прошли следующие три дня.

И по окончании пира госпожа Серена заговорила со своей прислужницей Теклой. «Сейчас ты спустишься со своими двенадцатью служанками в шатёр к королевскому сыну и пригласишь его сегодня к нам на башню со столькими людьми, сколько он захочет взять с собой».

«Я обязана, госпожа, — сказала Текла, — исполнить твое приказание. Но я хочу попросить тебя, чтобы ты обращалась с этим человеком с уважением, и обошлась с ним так, как требует твоя знатность и как он заслуживает, воздерживаясь от всякого вероломства и обмана».

Как только госпожа Серена услышала это заявление⁸¹, то гневно ответила: «Замолчи и исполни наше приказание и не давай нам советов, прежде чем тебя не спросят». И на этом завершился их разговор.

Глава 6

На следующий день после того, как закончился пир у Кларуса, в третьем часу госпожа Текла спустилась с башни со своими двенадцатью прислужницами, не останавливаясь по дороге, пока не пришла в шатёр Кларуса, королевского сына. Тогда она предстала перед ним со всем приличием и достоинством, поклонилась ему и учтиво его приветствовала. Он радостно её принял и спросил, кто она. Она назвала ему своё имя и род и обратилась к королевскому сыну: «Я пришла передать тебе приглашение своей госпожи Серены, дочери французского конунга. И оно состоит в том, что она зовёт тебя сегодня на пир в свою башню со столькими людьми, сколько ты сочтёшь необходимым взять».

---

⁸¹ Слово со значением «ходатайство, заявление, представление» (*fram-burðr*), которое употребляется в связи с настоятельной просьбой Теклы обращаться с Кларусом вежливо, даёт один из многих примеров использования юридической лексики в саге.

Услышав слова девицы, Кларус, королевский сын, очень обрадовался и ответил так: «Приглашение, которое ты, молодая госпожа, нам передала, мы принимаем с бóльшей радостью, чем всё золото Аравии; а страна Аравия более богата золотом, чем любая земля под солнцем». И он счёл, что все королевства в мире стоят меньше, чем тот привет, который был ему сейчас передан. «Мы придём, — сказал королевский сын, — с шестьюдесятью лучшими моими людьми, если ты полагаешь, что это не слишком много».

«Мы считаем, что это слишком мало, а не чересчур много, — ответила Текла, — ибо такому господину, как ты, подобает пригласить столько людей, сколько тебе приятно».

И она тотчас ему поклонилась и пожелала хорошего дня, а затем отправилась в обратный путь со своей свитой. Она сейчас же поднялась на башню и сообщила конунговой дочери, что королевский сын принял её приглашение. Она, как и прежде, сказала, что никто, подобный Кларусу, никогда не приезжал туда ранее, как сама госпожа Серена сможет подтвердить.

На башне сразу же начались великие приготовления, не похожие на те, что бывают в повседневной жизни. Всё было покрыто пурпуром, вышитым золотом, и златоткаными коврами, а остальное было убрано самыми дорогими тканями, так что на стенах не было видно пустых мест, кроме тех, которые были нарочно так оставлены, чтобы произвести впечатление.

И когда приготовления к пиру были завершены, то Кларус, королевский сын, прибыл к подножию башни со своими людьми. И Текла уже была там и со всею учтивостью проводила его и его людей к дверям замка, и ввела в палаты, которые были приготовлены к пиру. И когда он вошёл в двери, то там уже стояли прислужницы с чашами из червонного золота⁸². Всё вокруг сверкало так, что трудно было смотреть, и весь потолок был покрыт чистым золотом. Он был изукрашен и расписан изображениями и астрономическими картинами, и учёными рисунками всех видов. Всё благоухало самыми дорогими душистыми травами. И столь великий человек, наделённый такой властью (как Кларус. — *И. М.*), туда никогда не входил; и можно заметить, более не войдет. Столь приятны были благовония, которые они могли обонять, что им казалось, они были в Раю⁸³. И хотя Кларус, королевский сын, был рождён на свет в престольных палатах, он был поражён тем необычайным великолепием, которое там можно было увидеть.

Госпожа Серена восседала на подушках, а у её ног лежала львица. Она (*Серена. — И. М.*) была так нарядно одета, что ни один из живущих не видел бóльшей роскоши. И господин Перус не был не прав, когда говорил, что в её красивом лице скрывается какое-то особое хитроумие; и всё-таки впечатление было самым необыкновенным, настолько чудесными были её прекрасные черты. И когда

⁸² В словосочетании «с чашами» — *med minnlaugum*, возможно, произошла субституция *n* вместо *d* (*minnlaug* вместо *mundlaug* ‘чаша для омовения рук’); мытьё рук перед вкушением пищи и после этого было принято на скандинавских пирах.

⁸³ Для обозначения Рая используется латинское заимствование *Paradis* (ср. лат. *Paradisus*).

королевский сын и его спутники вошли в дверь, госпожа поднялась ему навстречу, учтиво приветствовала и его, и всех приглашённых людей. И он радостно поздоровался с нею. Тотчас же совершилось омовение, и потом они вместе уселись на высокие сидения, а рыцари Кларуса заняли места близ него по своему происхождению; рядом с конунговой дочерью сидели её прислужницы, а те, что были выбраны для того, чтобы стоя отдавать почёт гостям, были наиболее знатными людьми во Франции.

У них был самый великолепный пир с всевозможными увеселениями и изысканными кушаньями, отборными винами и благородными напитками. Госпожа Серена была очень весела и приветлива со своими гостями. И как только стали разносить пиво, королевский сын завёл разговор и откровенно рассказал госпоже о своём деле и сватовстве. Он всё сказал ей до того, как спросил совета у самого конунга, и тем подтвердил, что благодаря их мудрости ей и конунгу принадлежат вся власть и закон в королевстве. Кларус заметил, что хотел спросить, совпадают ли в этом вопросе их намерения. Конунгова дочь приняла его слова с большой радостью, так что её ответ казался благоприятным⁸⁴. И жизнь королевскому сыну представилась не более ценной, чем тень, по сравнению с расположением и поддержкой госпожи Серены, конунговой дочери, которыми, как ему казалось, он уже заручился, судя по её разговору и веселью.

Глава 7

Понадобилось бы много времени, чтобы рассказать обо всех дорогих яствах и редкостных угощениях, которые явились на пиру. И мы решили оставить всё это и опустить то, что было подано королевскому сыну и конунговой дочери. И напоследок принесли сваренные всмятку яйца, которые, как считается многими придворными людьми, полезно есть после трапезы. Конунгова дочь тотчас же взяла яйцо и спросила королевского сына: «Господин Кларус, — сказала она, — не хочешь ли ты в порядке любезности разделить со мною это яйцо пополам и съесть вторую половину?»

«С удовольствием, Госпожа», — ответил он.

И тогда она наклонилась и сделала вид, что выпила его, и протянула королевскому сыну (*оставшуюся часть*. — II. М.). На нём была надета дорогая, хорошо сотканная накидка, а под ней тёмно-коричневая куртка из парчи⁸⁵, на которой

⁸⁴ В оригинале использован фразеологизм *við hvert orð þótti grös gróa* — «с каждым (сладким, льстивым. — II. М.) словом, казалось, вырастала трава».

⁸⁵ Слово *cyclas, cycladis* заимствовано из средневековой латыни и обозначает лёгкое одеяние из шёлка или парчи с декоративной вышитой каймой (ср. *ciclade auro texta* — «одеяние, расшитое золотом» в *Passio Sanctae Agnetis* Псевдо-Амвросия — строка 24; об этом сочинении см.: Sources of Anglo-Saxon Literary Culture: Volume One: Abbo of Fleury, Abbo of Saint-Germain-des-Pres and Acta Sanctorum / Ed. by F. M. Biggs, T. D. Hill, P. E. Szannach and E. G. Whatley, with the assistance of D. A. Oosterhouse. Kalamazoo (MI), 2001. P. 57–59).

сверкали золотые вышивки и драгоценные камни, украшающие ворот и рукава. Говорили, что ему от рода восемнадцать зим.

И тогда он вознамерился принять яйцо самым изысканным образом. Но как только он взял яйцо, она задела его своими пальцами. И из-за того, что яичная скорлупа перевернулась, и она его подтолкнула, он уронил яйцо и пролил его себе на грудь так, что желток испачкал его куртку до самого пояса. Сейчас же произошла мгновенная перемена, будто темные тучи затмили радостный солнечный свет, и скверная погода обрушилась на судно, которое прежде следовало при благоприятном ветре. И он мог бы назвать её Северной вместо Серены⁸⁶, ибо она отбросила всю свою приветливость и стала враждебной⁸⁷. Помимо всего, она стала насмехаться над ним, говоря следующие слова⁸⁸: «Посмотрите сюда, — сказала она, — у нас завёлся неотесанный, вонючий деревенщина, такой, как ты! Зачем ты так позорно покинул материнский дом и унёс оттуда свои отвратительные ножищи, раз у тебя не хватает воспитания на то, чтобы успешно донести еду до рта в обществе приличных людей? Сейчас же убирайся из этой комнаты, противный мужлан, со всеми своими пешедралами и разбойниками⁸⁹, которых ты сюда притащил, если не хочешь быть осмеянным!»

Какой смысл медлить? Так случилось, что столы оказались убранными, и королевский сын со своими людьми удалился с пира без омовения; его попросту выставили за дверь, которая за ним немедленно захлопнулась. Конунгова дочь же тотчас уселась, весёлая и довольная, и решила, что всё отлично устроилось. А он пошёл в свой шатёр, багровый (*от гнева. — II. M.*) и рассерженный, и решил, что лучше бы у него было совсем мало денег или он полностью утратил большую часть тех преимуществ, которые у него были от рождения, чем навлечь на себя такой стыд. Но всё обстояло именно таким образом.

А затем по прошествии нескольких дней, он приказал людям готовиться в путь. Что же ещё? Как только ветер стал попутным, он уехал, не попрощавшись ни с королём, ни с кем-либо другим. А тёмно-коричневую куртку с пятном, которое он заслужил на пиру у госпожи, он положил в запирающийся сундук. Он тотчас же поднял парус, и условия у него были такими же благоприятными, как и раньше, так что он прибыл живым и здоровым домой в Саксонию.

Король его достойно встретил и господин Перус тоже, и, как полагалось по обычаю, они спросили его, как прошла поездка. Но Кларус на первых порах рассказал о ней немного. Сначала о путешествии королевского сына говорили очень мало, ибо никто не знал, как он был оскорблён, кроме тех, кто были с ним на башне,

⁸⁶ В саге обыгрываются значения латинских слов *serenus* 'спокойный' и *severus* 'суровый' (Серена = «спокойная» превратилась в Северу = «суровую»).

⁸⁷ В саге сказано, что она надела на себя волчью шкуру, приняла обличье волка, то есть стала по-волчьей злобной (*hon tekr sér þann vargham*).

⁸⁸ Использованное в саге выражение *með svo föllnum ordum* (букв. «с такими следующими словами») встречается в юридической фразеологии.

⁸⁹ В саге использовано латинское заимствование *ribboldum* от лат. *ribaldus* 'разбойник'.

а он, под страхом смерти, приказал им ничего об этом не рассказывать и повиноваться ему даже в самом малом.

Глава 8

Однажды, когда прошло немного времени, они гуляли и разговаривали, король, его сын Кларус и господин Перус. Тогда королевский сын рассказал отцу всю свою историю, заклиная обоих, короля — его доброй славой, а Перуса — его мудростью, посоветовать ему, как обрести свое достоинство.

Король был чрезмерно рассержен этим рассказом, полагая, что он повредил его величию. Он сказал, что с радостью сделает всё, что в его силах, чтобы восстановить их доброе имя, но, с другой стороны, конечно, не может советовать в делах такого рода. Однако он с удовольствием попытается найти решение, даже если оно будет стоить половины его королевства.

Господин Перус сказал, что было бы неразумно и далее зависеть от такой неприятной (*девицы*. — *II. M.*), как конунгова дочь Серена, ибо чего можно добиться, если они и дальше будут иметь с ней дело. Королевский сын заявил, что господину Перусу легко избрать такой способ действий при его мудрости, уме и знанию книг⁹⁰. Однако господин Перус не обратил внимания (*на его слова*. — *II. M.*) и повторил, что всё это не приведет к добру. Тогда Кларус ответил на его речи так: «Для чего король, мой отец, искал тебя, отверженный⁹¹, в такой дали, как Аравия? Для того чтобы получить от тебя помощь, образование и мудрость! А ты являешься сюда, чтобы ничего не делать, а только пророчить беду или предрекать несчастье! Со всем своим умом ты не лучше погонщика волов или луковой головки и никогда не совершил ничего хорошего! Сейчас же выбирай одно из двух: или я отсеку своим мечом твою никчёмную языческую голову, чтобы ты мог подобрать с земли свои мозги, или, если ты можешь мне предложить кое-что получше, то дай совет, как мне отомстить за свой позор, да так, чтобы мы обрели славу и честь, а ты — хвалу и почёт за свои знания».

Господину Перусу такое решение показалось немного опрометчивым⁹², и он стал размышлять несколько усерднее, чем раньше, а через некоторое время произнес: «Хотя мы можем распоряжаться всеми запасами королевства и тем небольшим умом, который у меня есть, мне всё же неизвестно, будет ли исход дела позорным или славным. Но если мне придётся принимать в нём участие, то нет другого выхода, кроме того, чтобы ты доверил мне управление королевством на три года».

Королю тотчас же показалось, что это чрезмерная просьба, однако он распорядился соответствующим образом. Теперь всё так и произошло, что

⁹⁰ Вероятно, Кларус отвечает Перусу с иронией.

⁹¹ В оригинале употреблено слово *bannsettr* 'тот на кого наложено отлучение, запрет, проклятие'.

⁹² Ироническая интонация появляется благодаря использованию литоты: «Перусу решение (*отсесть ему голову*) показалось немного опрометчивым».

господин Перус взял в своё управление все королевские сокровищницы и всю страну, так что все мастера и другие люди должны были слушаться его приказаний и запретов⁹³.

Глава 9

В первый год правления господин Перус созвал всех мастеров, которые были во всей стране саксов, и наказал им исполнить огромную работу. Он велел им отлить рукоятки и заклепки на планках из меди, таким образом, как, по слухам, принято у знатных людей в их шатрах. И он обязал их все выгравировать и украсить золотом с непревзойдённым мастерством. И когда всё было закончено, он распорядился повесить драпировки самых прекрасных цветов, но не чрезмерно дорогие. После этого он потребовал построить шатёр такой великолепный, чтобы все люди захотели его увидеть.

Он (*Перус. — II. M.*) поручил, чтобы перед шатром был отлит бурый медведь⁹⁴, очень большой, из того же металла (*меди. — II. M.*) и инкрустирован золотом. В каждой ноге медведя мог поместиться человек, он (*медведь. — II. M.*) был очень гибким и сделан так искусно, что когда люди находились внутри него, то казалось, что он ходит, когда ему приказывают.

Он (*Перус. — II. M.*) также велел сковать ожерелье из цепи и повесить медведю на шею, а от шеи спустить цепи по обе стороны, а другой конец цепи был закреплён в середине каркаса шатра. А те люди, которым приказывали, поднимали ноги медведя так, как это было описано. Казалось, что медведь бежал перед шатром и тащил его в нужное место. Все были изумлены тем, сколь искусно это было сделано. Вся эта работа была выполнена в первый год правления господина Перуса.

Глава 10

Во второй год правления господин Перус приказал исполнить другую работу, похожую на первую. Это был другой шатёр, более богатый, чем первый, все рукоятки и флюгеры с планками и заклёпками были сделаны из чистого серебра и были украшены и отделаны филигранью, обрамлённой большими кораллами. Он заказал, как обычно, наилучшие ткани для этого шатра, так что не было использовано ничего, кроме алого, голубого, пурпурного шёлка и разных

⁹³ Происхождение парной формулы *hlýða bōði og banni* — «слушаться приказаний и запретов» связывает её с законами (ср. в «Законах Гулатинга»: *konongr skal ráða bōde og banne* — «конунг должен управлять приказаниями и запретами»: *Den ældre Gulatings-Lov // Norges gamle love indtil 1387 / Utg. ved R. Keyser og P. A. Munch. Christiania, 1846. Bd. I. Norges love ældre end Kong Magnus Naakonssöns regeringstiltrædelse i 1263. S. 96*).

⁹⁴ Медведь — тотемное животное в северных странах (*Bonser W. The Mythology of the Kalevala, with Notes on Bear-worship among the Finns // Folklore. 1928. Vol. 39. Issue 4. P. 344–358*).

драгоценных металлов⁹⁵. И этот шатёр был изготовлен ещё с большим мастерством, чем предыдущий, и всё было наилучшего качества.

Он (*Перус. — П. М.*) приказал, чтобы перед этим шатром был сделан исключительно огромный лев⁹⁶, украшенный чистым золотом, а сам из чистого серебра, и он (*лев. — П. М.*) казался живым. И так же, как и к лесному медведю, к нему был прикреплен цепью шатёр, и казалось, что шатёр двигался в то место, в которое приказано.

Поистине, ничего, сделанное руками, не походило на то, что выковали кузнецы. И тогда прошёл второй год правления господина Перуса.

Глава 11

На третий год правления господин Перус объявил о третьей постройке, и это был шатёр. Все заклепки и шишечки сверху, и флюгер на этом шатре были из чистого золота, и все обрамлены сияющими драгоценностями. И столь великолепной была ручная работа, что больше восхищались искусным мастерством, с которым она была выполнена, чем внешним видом шатра. Он выбрал все самые дорогие виды полотна, какие только можно было достать, самые ценные материи, затканые золотом, пурпуром, и тонкий шёлк, сатин и парча и многие другие ткани, которых мы не можем назвать. Все канаты в этом шатре были обёрнуты золотом, и все рукоятки на столбах, которые стояли в середине шатра, напоминали о пылающем огне из-за тех рубинов⁹⁷, которыми они были обрамлены. Перед этим шатром он приказал поместить грифона⁹⁸ из чистого золота, который благодаря тайному мастерству, казалось, двигался перед этим шатром, перемещаясь туда, куда приказывал господин Перус. А на шее грифона, как и прежде, помещалась цепь с золотым воротом, которая была привязана к передней части шатра.

И когда эта великолепная постройка была закончена, все пришли в восхищение, увидев её, так что о том, что было изготовлено прежде, вспоминали гораздо реже. Этот шатёр был более пышным и больше предыдущих. И никто не знал точно, для чего это было сделано, кроме господина Перуса. Вся эта постройка была полностью закончена в третий год правления господина Перуса.

После этого он собрал все самые большие корабли, числом шестьдесят, и оснастил их наилучшим образом и обильно нагрузил их разнообразными ценными

---

⁹⁵ Можно заметить сходство описания шатра в саге с изображением скинии в Исх. 36:8: «И сделали все мудрые сердцем, занимавшиеся работою скинии: десять покрывал из крученого виссона и из голубой, пурпуровой и червленой шерсти; и херувимов сделали на них искусною работою».

⁹⁶ Лев — символ Евангелиста Марка; тотемное животное в южных странах.

⁹⁷ Для обозначения драгоценных камней в саге используется латинское заимствование (*af þeim carbunculo*), ср. лат. *carbunculus* — гранат или рубин.

⁹⁸ В тексте использовано слово *gammr* ‘стервятник’, однако предполагается, что создатель саги мог иметь в виду сказочное животное, напоминающее грифона с головой и крыльями орла и телом льва (*Bernström J. Gamar // Kulturhistoriskt lexikon för nordisk medeltid från vikingatid till reformationstid / Utg. I. Andersson, J. Granlund. Malmö, 1960. Bd. 5. Frälsebrev — Gästgiveri. Sp. 169–170*).

предметами, золотом и серебром, драгоценными тканями, вином, мукой и всевозможными редкими и благоуханными травами. Он приказал приготовить для королевского сына наилучшее судно с головой дракона⁹⁹ и в изобилии снабдил его всеми припасами¹⁰⁰ королевства. Он выбрал команду из самых высоких и сильных, вооружённых наилучшим оружием, и никто не был более хорош собою, чем они.

И когда корабли были совершенно готовы, Кларус и господин Перус получили от короля разрешение отплыть. Затем они направились со своей флотилией в море и попали во Францию. И спустя некоторое время они приблизились к городу, которым правил конунг Александр. И господин Перус приказал спустить паруса, а затем скомандовал держать совет и попросил королевского сына отплыть с ним на вёслах к берегу, а всем людям велел некоторое время подождать. И так они и поступили. И они тотчас же вошли в небольшую долину, и там господин Перус спросил королевского сына: «Чего ты ждешь от этого путешествия? Намереваешься ли ты предстать перед конунговой дочерью так же открыто, как и прежде? Разве она не узнает тебя и не станет презирать, невзирая на твое могущество?».

«А это мы ещё посмотрим», — сказал Кларус. И сейчас же господин Перус достал из мешка платок и развязал его, и в нём оказалось нечто вроде золы¹⁰¹. Он посыпал золой на лицо королевского сына, и сильно потёр, пока кожа не согрелась под его руками. После этого он взял зеркало и попросил королевского сына посмотреться в него, чтобы убедиться в том, что ему не нанесено никакого вреда. Он (*Кларус. — П. М.*) увидел, что лицо у него стало чуть-чуть смуглым, как у тех людей, которые долгое время живут в отдалённых местах под солнечными лучами. Тогда сказал господин Перус: «Надеюсь, что госпожа Серена теперь не сможет тебя узнать. Сейчас ты поменяешь и своё имя, и своё отечество: ты будешь зваться Эскельвардом, сыном конунга Страны Черных Людей¹⁰², и ты сделаешь предложение конунговой дочери Серене. И ты объявишь всему судну, что это и есть твоё имя, и пригрозишь смертью каждому, кто откроет твоё настоящее имя».

⁹⁹ «Судно с головой дракона» (*dreka*) — драккар, деревянный корабль викингов с низкими бортами, высоким резным килем и кормой.

¹⁰⁰ Для обозначения тех припасов, которыми нагрузили корабли по приказанию Перуса, использовано немецкое заимствование *spizadan* < нем. *Speisen* 'провизия'.

¹⁰¹ Упоминание золы как средства изменения внешности заставляет вспомнить о героях и героинях волшебных сказок о Золушке, Иване Запечнике, Аскеладене (о связи этих героев с родовым очагом, см.: *Мелетинский Е. М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986. С. 53–54).

¹⁰² Название страны *Bláland* использовалось скандинавами эпохи викингов для обозначения северной Африки, жители которой назывались *blámenn*. В «Саге об Инглингах» говорится: «*Svíþjóð hina miklu kalla sumir menn eigi minni en Serkland hið mikla, sumir jafna henni við Bláland hið mikla. Hinn nyrðri hlutur Svíþjóðar liggur óbyggður af frosti og kulda, svo sem hinn syðri hlutur Blálands er audur af sólarbruna*» («Некоторые считают, что Великая Швеция не меньше Великой Страны Сарацин, а некоторые равняют ее с Великой Страной Черных Людей. Северная часть Швеции пустынна из-за мороза и холода, как южная часть Страны Черных Людей пустынна из-за солнечного зноя»: *Сага об Инглингах* / Пер. М. И. Стеблин-Каменского // *Снорри Стурлусон. Крут Земной* / Изд. подг. А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1980. С. 11).

И с этим они отплыли обратно на корабль. Кларус приказал объявить об этом всем людям на кораблях, и все согласились сделать так, как он приказал.

После этого они подняли паруса и не останавливались, пока не оказались перед самым главным городом французского конунга. И тогда они быстро высадились на землю и устроили для себя изысканные покои. Местные люди восхищались обходительностью и знатностью этих людей и их достойным поведением. Они приготовили себе еду, а после этого улеглись на покой и проспали всю ночь.

Глава 12

Когда наступило утро, Кларус поднялся вместе со своими людьми. Тогда мастерство господина Перуса сразу же стало явным, ибо первый шатёр был поднят на носовой части драккара, и бурый медведь отправился по берегу к тому месту, где должен был, согласно знаку Перуса, стоять шатёр, и занял место прямёхонько напротив шатра. И все были очень довольны тем местом, где остановился медведь.

В тот момент Серена подошла к окну, чтобы развлечься. Она смогла увидеть только что прибывшие корабли, а неподалёку от них великолепный шатёр, который сиял, как пламя, в свете утреннего солнца. Тогда её сердцем завладели два чувства: изумление и алчность, так как она жаждала обладать всем, что видела, если это имело ценность. Она тотчас же позвала свою служанку Теклу и приказала ей поскорее спуститься со своими прислужницами и разузнать новости.

Она (*Текла. — II. М.*) немедленно сделала то, что ей приказала госпожа, и спустилась с башни вместе со своими людьми. И там она встретила рыцарей конунга Александра и тех, кто подходил к шатру, чтобы узнать, кто был предводителем этого каравана судов. Но они отвечали, что не знают, и сказали, что предводитель очень могущественен и горд, и они не смогли с ним поговорить. Несмотря на это, она приблизилась к шатру. А раз она подошла ближе к шатру, чем люди короля, то спросила одного из выдающихся мужей из отряда об имени и отечестве их предводителя. Она немедля возвратилась и была готова рассказать своей госпоже о том, что предводитель звался Эскельвардом и доводился сыном конунга Страны Черных Людей.

И тогда заговорила конунгова дочь: «Очевидно, их драгоценности, привезённые из путешествия¹⁰³, совсем не те, что у нас. И я никогда не видела лучшего сокровища, чем тот шатёр, который у них есть, и мы с радостью купили бы его или получили в дар, если бы это было возможно. Ты сейчас же спустишься с башни с двенадцатью служанками и повидеаешься с ним, и сегодня же пригласишь в

---

¹⁰³ «Сокровища, привезённые из путешествия» (*fararblóma* — «цветы путешествий»), то есть всё, что располагается на судне и его украшает, включая ценность груза.

наше жилище этого господина Страны Черных Людей вместе со столькими людьми, сколько он пожелает взять».

«Как я могу, — сказала Текла, — пойти и заговорить с этим чужестранным и незнакомым предводителем, когда он столь горд и величествен, что рыцари твоего отца, короля, сообщили мне, что никому не удалось добиться встречи с ним?».

«Ты пойдёшь к нему, если дорожишь жизнью! — воскликнула конунгова дочь. — И, может статься, что он не станет обращаться с тобой, как с другими людьми».

Долго ли, коротко ли они об этом говорили, но Текла отправилась к шатру вместе со своими прислужницами. Она подошла очень скромно, и попросила разрешения войти, и его получила. Тогда она предстала перед господином и учтиво его приветствовала. Но он ответил ей весьма спокойно и снисходительно. И тогда сказала Текла: «Я должна передать тебе, господин, приглашение от своей госпожи Серены, дочери французского конунга. Дело обстоит так, что она просит тебя придти сегодня в её жилище на башне со столькими людьми, сколько тебе кажется приличным взять с собой». Господин отвечал ей с сомнением, однако после уговоров прислужницы, он наконец согласился придти. И тогда она возвратилась на башню рассказать своей госпоже, что её приглашение принято.

И сейчас же на башне начались великие приготовления, как и раньше. И в назначенное время господин из Страны Черных Людей подошёл с шестьюдесятью людьми к башне. И там, так же, как и прежде, госпожа Текла со всеми почестями пригласила войти и его, и всех людей. Госпожа Серена тотчас же приветствовала своих гостей с большим гостеприимством и учтивостью и усадила их, как и в прошлый раз.

Глава 13

Тогда начался такой же великолепный пир, как и прежде. Господин вёл себя довольно холодно. Однако госпожа Серена держалась приветливо и радостно, угождая ему своим расположением. И когда пиво пошло вкруговую, он стал более дружелюбным. И тогда госпожа спросила его о его имени и отечестве, и он ответил. Серена тотчас же сказала: «Судя по твоим сокровищам, привезённым из путешествий, южный мир совсем не похож на наши края в том, что касается богатств и драгоценностей, ибо я никогда не видывала более красивой и изящной вещи¹⁰⁴, как тот замечательный шатёр, которым ты владеешь. В наши намерения входит купить этот шатёр, если это возможно. И я бы с радостью приняла его, если бы ты мне его отдал».

Господин ответил медленно, сказав, что это невозможно, и что не его это дело быть торговцем. И чем больше он отказывался, тем больше конунгова дочь

¹⁰⁴ Формула «более великолепной и изящной вещи» (*mektugra grif ok klénna*), которая описывает шатёр, состоит из двух нижненемецких заимствований: *mektugr* (ср. нижненемецк. *mechtich*) и *klénna* (ср. нижненемецк. *klén* ‘маленький’).

настаивала. И долго ли, коротко ли, но так случилось, что он назначил цену за шатёр, сказав, что откажется от своего владения, только в обмен на её нежность¹⁰⁵. И тогда конунгова дочь на некоторое время замолчала, но когда она сообразила, сколько разных уловок ей известно, то сказала так: «Мы бы ни за что даже не стали и думать о том, чтобы так позорно продать нашу славную честь, если бы только не самые исключительные обстоятельства. Если ты пообещаешь мне и поклянёшься, что получишь от моего отца позволение взять меня как целомудренную¹⁰⁶ королевскую дочь и королеву, и мы не откроем того позора, которому должно случиться, то сможем закончить это дело».

А что же дальше? Произошло именно то, что пообещал господин; тогда приступили к тайным переговорам, и была принесена клятва. А потом было принято решение, что он пораньше уйдёт с пира, а когда наступит вечер, вернётся к подножью башни. Текла будет там и впустит его. Он пообещал устроить так, что шатёр будет отдан утром тем, кого госпожа пришлёт за ним.

Какая нужда в спешке? Всё произошло согласно договоренностям, и господин вернулся рано с пира к своим людям, а вечером снова медленно пришел к подножью башни. Текла была там, впустила его и провела наверх в солнечную комнату¹⁰⁷, где спала конунгова дочь. И она уже была в кровати¹⁰⁸ и сидела в своей вышитой золотом шёлковой сорочке, и со всей радостью приветствовала господина. И сейчас же Текла раздела его, и затем он лег в постель.

И госпожа Серена попросила Теклу принести им успокоительный напиток¹⁰⁹. И Текла взяла небольшой кубок и налила из него в чашу и подала госпоже. И тогда госпожа Серена обратилась к господину и спросила, будет ли он пить первым или последним. И он попросил её выпить первой. И она так и сделала и выпила всё. И затем она налила чашу во второй раз. И господин Эскельвард взял её и выпил, и сразу же заснул прямо в постели.

А конунгова дочь встала и оделась. И она сейчас же приказала Текле позвать пятерых дружинников из нижней части здания, и каждому велела принести свой самый огромный хлыст. Когда они пришли, госпожа сказала им: «Хватайте парня¹¹⁰, который лежит в постели, валите его на пол и избейте так, чтобы он хорошенько запомнил это, когда проснется утром!»

---

¹⁰⁵ «Нежность» (*blíða* ‘милость, расположение’) — в данном случае эвфемизм, обозначающий девственность.

¹⁰⁶ Причастие *ítekit*, букв. «не взятуо», то есть целомудренную, представляет собой *hvarþ leggomenon* и, возможно, калькирует латинское прилагательное *intacta*.

¹⁰⁷ В описании спальни Серены употреблено латинское заимствование *solarium* ‘солярий’.

¹⁰⁸ В оригинале использовано слово *sæng* ‘покрывало, одеяло’, однако оно применяется и для обозначения кровати.

¹⁰⁹ Обычай пить перед сном пиво или вино для улучшения сна был распространен в Средние века.

¹¹⁰ По отношению к сыну короля слово «парень» (*drenginn*) должно быть воспринято как оскорбление.

И вот, так они и сделали, бросили его на пол, как охапку сена, и молотили так, что содрали у него кожу с головы до пяток¹¹¹, и ничего на нем не осталось в целости, а их хлысты покрылись его плотью, и кожей, и кровью. Он не проснулся ни ночью, ни утром, пока солнце не поднялось высоко, и шатёр не был забран и помещён под охрану в кладовую королевской дочери.

И после того, как его грубо выбросили из башни, он отправился к своим людям, *позорно* обесчещенный, и никто никогда прежде не получал таких увечий, какие были сейчас ему нанесены. Господин Перус был очень опечален и заметил, что весьма неразумно быть во вражде с таким отвратительным существом, как конунгова дочь. Однако королевский сын обвинил его и сказал, что со всею своею премудростью он нисколько не лучше маленькой собачонки. И весь день он пил со своими людьми, и так как был молод, то вскоре обрёл силу, и ему помогали всеми наилучшими способами, какими только могли.

Глава 14

С тех пор прошло несколько дней, и однажды утром случилось так, что госпожа Серена снова уселась у окна и увидела зрелище, которое пронзило её сердце. Она тотчас воззрилась на то, как сверкающий лев из алого, как пламя, золота, так величаво тянул шатер с корабля, как она никогда прежде не видывала. И теперь она уже помнила о том, что получила, не более, чем о половинке самой мелкой монетки. Сейчас её сердце снедала жадность, причинявшая ей великое горе, и она поняла, как многого лишилась из-за того, что произошло. Но с другой стороны, её не покидала надежда, ведь у неё в запасе было немало хитростей, а у её прислужницы Теклы немало способностей.

И она немедленно позвала к себе Теклу и сказала ей так: «Где на свете можно найти человека, который настолько богат и владеет столь огромными сокровищами, как тот, кто сейчас прибыл сюда? Ты сейчас же пойдёшь и попробуешь исправить положение своей настойчивостью, и посмотришь, примет ли он наше приглашение». Тогда ответила Текла: «Как я могу сделать это, госпожа? Предстать перед взором господина после той беды, которая уже постигла его из-за моих слов? Ничего другого не может произойти, кроме того, что он снесёт мне голову или сожжёт меня на костре, если я только появлюсь перед его взором».

«Нет, — сказала *дочь конунга*, — всё будет гораздо лучше, так что верь в нашу удачу». Однако как бы долго они об этом ни говорили, случилось так, что Текла спустилась к шатру со своими прислужницами, вновь испросив разрешения войти, как и прежде, и передала господину приветствия от *дочери конунга*, и сказала, что она искренне сожалеет обо всём, что выманила у него обманом, и теперь считает его

---

¹¹¹ В формуле «с головы до пяток» (*milli hals ok hnakka*) используется аллитерация в экспрессивной функции.

превосходным человеком, и всё улучшит и исправит согласно прежним условиям, если он согласится придти к ней в гости.

Господин Перус посоветовал ей не доверять и сказал, что было бы лучше забрать шатёр и поднять паруса, а её оставить со всей её неумеренной алчностью. Королевский сын ответил, что положение будет лучше, если еще раз ей поверить, и заметил, что у неё такой нрав, что она может сама исправиться, добавив, что на всякое правило есть исключение. И случилось так, что Текла вновь возвратилась и сказала своей госпоже, что господин опять согласился к ней придти. И она (*Серена. — II. М.*) всячески поблагодарила её (*Теклу. — II. М.*) за путешествие.

Нет необходимости в слишком продолжительных речах, чтобы рассказать о том, что королевский сын явился на башню. И конунгова дочь постепенно произнесла все заклинания, при помощи которых им можно было овладеть, и привела в своё оправдание много различных лукавых объяснений. И вновь случилось так, что позднее, когда пиво было принесено, и господин развеселился, она потребовала шатёр. Очень кратким будет рассказ о том, как всё было устроено согласно тем же условиям, что и раньше. И можно быстро поведать о том, как Эскельвард ушёл, как он лёг в тот вечер в постель, выпил, заснул, был избит, выставлен с теми же увечьями, как и прежде, а шатёр перекочевал в кладовую конунговой дочери.

Так он вернулся к своим людям обесчещенный и пристыженный. Сейчас же между господином Перусом и королевским сыном установились холодные отношения: господин Перус винил его в том, что он обыскал весь мир ради того недруга, который навлек на него несчастье, и в том, что его постигла неудача, тогда как счастливый случай ожидал его где-то в другом месте. А королевский сын ответил, что господин Перус сам навлек на него всю эту неудачу, ведь он (*Клафус. — II. М.*) отправился в это путешествие из-за его (*Перуса. — II. М.*) пустой болтовни. А теперь он (*Клафус. — II. М.*) выглядит перед людьми, как посудомойка или погонщик волов, и его (*Перуса. — II. М.*) голова покатится с плеч, если он (*Перус. — II. М.*) не возьмёт на себя ответственность за все неудачи и не сможет навлечь позор на ту, которая всё это начала (*Серену. — II. М.*).

После этого они спокойно провели несколько дней, пока королевский сын продолжал поправляться.

Глава 15

Теперь остаётся рассказать о том, как однажды рано утром госпожа Серена подошла к своему окну посмотреть, что произошло и приключилось, и что может быть любопытного для её глаз или ушей. И сейчас же она увидела, как из драккара вылетает грифон со сверкающими золотыми крыльями и несёт великолепный шатёр, подобного которому она никогда не видела ни раньше, ни потом. Грифон приземлился на берег перед кораблём. Ей показалось, будто солнечный свет засиял

так же ярко, как сверкали те драгоценности, которыми было украшено это творение. У неё закружилась голова, и она почти потеряла сознание, так как её сердце переполнили два чувства: неутолимая жадность было первым, а вторым было сожаление об утраченных возможностях. И ей так захотелось заполучить этот шатёр, как и тот, которым она уже завладела, что ума у неё осталось не больше, чем у тухлой луковой головки. С одной стороны, она пришла в отчаяние от того, что этот хороший человек никогда больше ей не поверит, ведь она уже довольно неприятно обманула его два раза. Но когда она пришла в себя и обдумала произошедшее, то внушила себе надежду, предположив, что вновь, как и прежде, может положиться на свои уловки и помощь Теклы.

И она немедленно позвала к себе Теклу и заговорила так: «Слушай, дорогая подруга! — сказала она, — Можно ли найти где-нибудь в мире другого знатного человека, у которого столько сокровищ и богатств, как у этого?».

И тотчас ответила Текла: «И впрямь, госпожа! — воскликнула она, — как видишь, у этого человека больше славы и чести, чем у всех остальных в этом мире, и в самом деле кажется удивительным, почему ты обращаешься с ним, как с другими¹¹²? Стоит бояться, что кто-нибудь наконец отомстит за все твои проделки».

«Замолчи! — воскликнула конунгова дочь, — не навлекай на нас несчастья! Вместо этого, иди и пригласи его придти к нам самыми льстивыми словами, какие найдёшь».

«Я предпочла бы, — сказала Текла, — оставить тебя и службу и испытать любую нужду, только бы перестать быть лгуньей и мошенницей по отношению к такому достойному хёвдингу». И долго ли, коротко ли они о том говорили, но случилось, как и прежде, ведь советы дают власть имущие¹¹³, и Текла отправилась, несмотря ни на что, со своими людьми вниз в шатёр.

И теперь мы поведаем небольшой рассказ о том, что произошло в палатке, прежде чем она вошла. Господин Перус выгрузил с корабля маленькую круглую палатку и воздвиг её в центре большого шатра. У входа в эту палатку он поставил преграду, которую мы называем порогом¹¹⁴, и что-то вырезал и написал на ней. Он позвал королевского сына в эту палатку. И когда они сели, он сказал: «Я сделал

¹¹² В саге использована идиома *ollum eitt baka* — «печь для всех одно», то есть обращаться со всеми одинаково.

¹¹³ Составитель саги употребляет пословицу *binn ríkari verður ráð að segja* — «богатые (или власть имущие) дают советы» (то есть те, кто имеют власть, могут приказывать) как ссылку на коллективную мудрость и как оправдание последующих действий Теклы.

¹¹⁴ Создатель саги даёт объяснение латинскому заимствованию *limitem*: «...og í durum þess tjalds setur hann ein limitem; það kollum vér þreskold...» («У входа в эту палатку он поставил преграду, которую мы называем порогом»). Возможно, переводчик или писец путает два латинских слова: *limes* 'преграда, граница' (вин. падеж *limitem*) и *limen* 'порог' (вин. падеж *liminem*). Вероятно, Перус ставит преграду на пути Теклы, отмечая границу того помещения, где ей приходится сказать правду. В саге слово «порог» употребляется дважды: в объяснении действий Перуса, поставившего преграду, «которую мы называем порогом» (*það kollum vér þreskold*), и Теклы, которая «переступает порог» (*ketur inn um þreskoldinn*).

всё, что мог; и мастерство моё истощилось, если нам сейчас это не удастся. Вот тебе первое дело: как только госпожа передаст тебе приглашение и войдет в эту дверь, она ничего не должна успеть сделать, кроме того, чтобы принести тебе клятву. Вот тебе золото (*кольцо*. — *II. M.*), которое ты возьмёшь, и как только она войдёт, протяни ей руку, надень ей кольцо и крепко держи, так чтобы оно было на её руке, и проси её соблюсти тебе верность. Спроси её, почему ты и конунгова дочь пьёте из одного сосуда, который не причиняет ей вреда, а ты погружаешься в сон, похожий на смерть. Обещай ей, без лукавства, что если она будет тебе верной в этих трудных обстоятельствах, то ты возьмёшь её с собой домой, и она станет твоей королевой, если только сама не откажется».

И теперь когда они так поговорили, Текла вошла в шатёр и огляделась вокруг, но не увидела господина. Она спросила о нём, и дружинники ответили ей, что он в маленькой палатке, стоящей перед ней. И она приблизилась к двери с большим почтением, и спросила разрешения, и, получив его, вошла. И как только она переступила порог, разум оставил её, так как с ней произошло что-то, чего она никогда не испытывала. И она не могла изложить своего дела умело и красноречиво. И королевский сын взял её за руку и натянул ей кольцо и произнёс все слова, которые были сказаны ему прежде. И тогда ответила девица с великим беспокойством: «Не понимаю, что со мной происходит, ибо я никогда не нарушила бы доверия своей госпожи; с другой стороны, я сознаю, что могу причинить тебя вред не более, чем себе самой. Но пусть случится то, чему должно, и я проявлю осторожность и нарушу свою верность, будь это по моей вине или по какому-либо другому удивительному обстоятельству».

И тогда в разговор вступил господин Перус и сказал так: «Сделай так, моя дорогая, — молвил он, — не наливай ему больше коварных напитков, но отдай ему свою верность! Ибо ты теперь обязана ему, как своему мужу, из-за вашего тайного сговора»¹¹⁵.

«Теперь должно быть именно так, — ответила она, — и вот первое: у того сосуда, из которого ты пьёшь, два дна, она пьёт обычное пиво из верхнего отдела, но та предательская смесь, которую ты пьёшь из нижней части, тебя и усыпляет».

«Будь так добра, — сказал королевский сын, — никогда больше не давай мне этого напитка».

Она ответила: «Как я могу сделать это даже ради спасения жизни? Ведь она осматривает кубок и заметит любые изменения, и тогда я буду обречена на пытку».

После этого господин Перус вновь вступил в разговор и сказал Текле: «Ты возьмёшь самый слабый напиток, похожий на прежний, какой только найдёшь, и смешаешь их пополам в том отделе, из которого он пьёт, и она никогда этого

---

¹¹⁵ Никакого тайного сговора между Кларусом и Теклой не было.

не узнает. Тогда покажется естественным, что он сначала заснёт, но его сон будет не таким глубоким и длительным, как раньше». И на этом они и порешили.

На следующий день она возвратилась к своей госпоже, но лицо у неё было весьма пунцовым. Госпожа Серена приветливо с ней поздоровалась, спросила её о поручении и о том, почему она так взволнована.

«Меня удивляет, — сказала Текла, — почему ты меня спрашиваешь о том, может ли девица наконец смутиться, когда ей, как мне, приходится день за днём столь вероломно появляться перед таким достойным правителем. И хотя бы меня бросили в темницу, я больше никогда не пойду выполнять такие поручения. Тем не менее, я передала приглашение».

«Ты заслужила нашу благодарность, — ответила госпожа, — и получишь хорошее вознаграждение».

Прошло немного времени, и королевский сын вновь явился на башню и принял участие в пире. И долго было бы рассказывать о тех прекрасных словах, и миролюбивых речах, и кротких уговорах, и великих уловках, к которым прибегла конунгова дочь. Были оговорены те же условия, что и раньше. И быстро можно поведать о том, как всё произошло: королевский сын выпил, заснул, был избит, как и прежде, унижен и выброшен на пол.

Но всё это случилось так, как предсказал господин Перус, и сон его был не столь глубок, как раньше, и он проснулся посреди ночи; и хотя чувствовал себя несколько одеревеневшим, он точно помнил, куда ему нужно идти, чтобы отдохнуть. И он сейчас же взобрался в постель к дочери конунга, и провёл чудесную ночь до самого утра.

И когда вошло солнце, Текла подошла к постели и спросила, не пора ли одеваться и позаботиться о шатре. Тогда конунгова дочь ответила: «Оставь его в покое! — сказала она, — мы полагаем, что он отлично может быть как здесь, так и там».

«Вот это радость и хорошие новости, моя госпожа!» — сказала Текла и удалилась. А затем королевский сын оделся и вернулся к своим людям.

Мы коротко расскажем о том, как он в течение двух недель каждую ночь оставался на башне с конунговой дочерью. И таким образом он обсудил это дело с конунгом и взял её как свою законную королеву, как и обещал. И конунг весьма великодушно выделил ей наследство, золото и сокровища — в таком количестве, что и измерить было нельзя. И всё это богатство было погружено на корабль. И вскоре после этого королевский сын собрался в путешествие, и в течение нескольких дней всё было готово и собрано на борту, кроме большого шатра, в котором молодые люди спали как муж с женой. И все люди остались в последнюю ночь на корабле, кроме нескольких охранников с ними в шатре. Конунгова дочь всю ночь спала в большой радости и великом удовольствии в объятиях своего господина.

Глава 16

Теперь госпожа Серена проснулась рано, открыла глаза, огляделась и подумала, что происходит нечто необычайное. Она поискала глазами шатёр и своих дружинников, но все они исчезли вместе с кораблем. Потом она поискала глазами золотую кровать с дорогими полотнами, расшитыми золотом, однако на их месте была грубая кожаная накидка¹¹⁶. Длинные поперечные балки были положены прямо на ровную землю и привязаны к столбам толстыми кожаными ремнями, которые обычно используют пастухи¹¹⁷. Справа от себя в постели она увидела изверга¹¹⁸, огромного и довольно безобразного. Он был чёрен, как ворон, нос у него был длинным и крючковатым; и он был уродлив во всех отношениях. Он задрал нос кверху и храпел, как кобель. Из носа у него до самого рта стекала отвратительная слизь, он втягивал ее внутрь с каждым вдохом и выдыхал с каждым выдохом. У дочери конунга не было никаких украшений, кроме её кружевного нижнего белья, которое лежало подле неё.

Когда она всё это увидела, то удивилась и сразу же решила, что видит сон. И тогда она закрыла глаза и всем своим умом нацелилась на то, чтобы узнать местность и окрестности. И так она весь день пролежала там, пока злобный пёс в её постели не проснулся и мрачно не уставился на неё горящими глазами, а потом с гневом закричал: «Что это ты здесь разлеглась, проклятая блудница, — сказал он, — убирайся отсюда и отправляйся домой к своему отцу! Прошло то время, когда я желал твоего общества. Хорошо же и достойно продала ты своё целомудрие, и по справедливости твоё вероломство пало на твою собственную голову. Смотри же, куда завела тебя алчность! Подумай теперь об Эскельварде, которого ты для себя выбрала и которому отдала свое девичество¹¹⁹. Здесь теперь Эскельвард, королевский сын, со своим прекрасным шатром и другими богатствами. Справедливо наказана ты за свою гордыню. Придётся тебе быть просто бродяжкой или разбойницей, пока не станешь такой же, как я».

Конунгова дочь сейчас же ответила ему с великим воодушевлением¹²⁰: «Мне кажется, дело обстоит так, что мой брак хуже, чем я думала, а потому мне

¹¹⁶ Употреблённое в саге выражение *skarpur skinnstakkur* ‘грубая кожаная накидка’ может относиться и к одежде, которую, возможно, носил спутник Серены, и к тому, чем было покрыта её лежанка.

¹¹⁷ Данное в саге описание лежанки Серены: «Raftar eru þar niður lagðir á sléttum velli og við bundnir staurar með skörpum álum, sem fehirðar eru vanir að búast um» («Длинные поперечные балки были положены прямо на ровное поле и привязаны к столбам грубыми кожаными ремнями, которые обычно используют пастухи»), — напоминает переносные загоны для овец, которые использовались в Исландии до XIX в.

¹¹⁸ Слово «изверг» (*dólgr*) использовалось в значениях ‘враг’, ‘дьявол’, ‘привидение’, ‘великан’, ‘злодей».

¹¹⁹ В саге использовано необычное слово *jungfrúdom* ‘девство’ вместо более нейтрального *meydóm*.

¹²⁰ Использованное выражение *af móði miklum* — «от великого духа» приводит на память эддическую «Гренландскую Песнь об Атли», герой которой Гуннар в такой же безвыходной ситуации, что и Серена, произносит речь: «kvaddi þá Gunnarr, / sem konungr skyldi, // mætt í mjóðranni / af móði stórum» («сказал тогда Гуннар, как подобает конунгу, знатный в медовых палатах, от великого духа

придётся его заслужить. Что же дальше? Кому более подобает наслаждаться моими умениями и обходительностью, чем тебе? Давай сейчас сделаем то, что кажется наилучшим: я буду всячески любить тебя чистой любовью, как своего мужа, а ты не станешь мне мешать. И я ручаюсь тебе своей честью¹²¹, что ты будешь конунгом Франции. И где же на свете найдётся другая любезная госпожа, которая даст своему возлюбленному такое доказательство, хотя он и не очень красиво сотворён? О тебе будут думать совсем иначе, если я украсшу тебя дорогими нарядами».

«Ты меня украсишь! — воскликнул он, — Прежде будет тебе горе! Я так тебя изобью, что спина у тебя сделается такой же мягкой, как живот, если ты не уползешь домой к своему отцу».

«Чего бы это ни стоило, — ответила она, — я буду следовать за тобой, пока длится моя жизнь».

Что же дальше? Он встал на четвереньки¹²² в кожаной кровати и отряхнулся. Затем он взял свирели¹²³, которые висели на веревке, и забросил себе на плечо, ведь бродяги играют на них, чтобы заработать пропитание, и ушёл столь сердито, что даже с ней не попрощался, и в мгновение ока оказался так далеко, что она перестала его видеть.

Она заметила возле себя одежду, которую сняла на ночь, и быстро её надела. И тотчас пошла по той дороге, по которой отправился бродяга. И так как она не привыкла к ходьбе, то быстро утомилась. А он велел встречному мальчишке на холме осыпать её презрительными словами, когда она пойдёт за ним, и сказал, что переломает ей все кости, если она не повернёт назад. И она ответила, что всё равно будет следовать за ним, как бы она ни страдала, до тех пор пока может держаться на ногах.

К чему медлить? Так они шли весь день до самого вечера. Один раз он убежал от нее так далеко, что она почти не могла его разглядеть. В другое время он осыпал её оскорбительными словами и угрозами всякий раз, когда она его догоняла. Она всё равно не отступала, хотя была сильно измучена голодом, и жаждой, и жарой, ведь она ничего не ела целый день.

И когда наступил вечер, они пришли в деревню. И увидели там недавно прибывших странствующих извозчиков¹²⁴, которые ездили по всей стране со своим товаром. У них были комнаты и доброе вино, и они были веселы и благодушны. Бродяга вошёл и спросил, не хотят ли они поразвлечься в обмен на еду и питье.

(от щедрой души)» (Акв. 9, 5–8). Вызывая ассоциации с героическим эпосом, создатель саги подчёркивает и благородство героини, и отчаянность её положения, и вероломство тех, с кем она вынуждена иметь дело.

¹²¹ Употреблённое в оригинале выражение *eg vil borga þér upp á minna trú* — «я ручаюсь тебе своей честью» принадлежит к юридическим фразеологизмам.

¹²² В саге использовано выражение *Hann uppr til handa ok fota* — «он встал на руки и на ноги», то есть на четвереньки.

¹²³ Употреблённое в саге сложное слово *skaldþripa*, переведённое здесь как «свирели», несомненно, относится к музыкальному инструменту. В одной из поздних бумажных рукописей, основанных на АМ 657b 4то, встречается конъектура *belþripa* ‘вольнка’.

¹²⁴ В оригинале употреблён *haraх legomenon: vagnaten* (‘повозка, тележка’ + ‘человек, мужчина’).

Они решили послушать, что он сможет сыграть. И тогда он, как дурак, начал играть на своих свирелях, разные выдуманные песни, и все, кто были в доме, смеялись и принимали его за шута. А Серена лежала на соломе на полу, страдая так сильно, как большинство людей никогда не страдали. И после развлечения бродяге вручили столько еды и питья, сколько он мог съесть. Но он ничего не дал конунговой дочери, только бросил ей несколько скудных крошек и костей. И из-за того, что она, как и все люди, испытывала сильный голод, она их съела. И никогда прежде во все дни жизни её так плохо не обслуживали.

И когда бродяга наелся и напился, то бросился на солому. И она вознамерилась лечь рядом с ним, но он свирепо и злобно её оттолкнул, как только она к нему приблизилась. И она не могла бы быть к нему ближе, чем, если бы между ними оставалось место для двух людей. И он снова захрапел, как кобель¹²⁵. А она, как обычно, спала в эту ночь совсем немного.

Глава 17

И когда наступило утро, этот проклятый пёс, проснувшись, напал на неё с теми же оскорблениями, что и раньше. Он закричал, что ей не подходит, как грязной недотопе, бродить за ним в красивых одеждах, пока он голодает, и сказал, что лучше бы он употребил их на покупку того, чем можно набить брюхо. Она ответила ему кроткими словами, заметив, что сделает всё, что может, дабы помочь ему стать более преуспевающим, чем прежде. И сейчас же он сделал, как обещал, и снял с неё кружевную юбку, расшитую золотом, побежал в город и продал её, чтобы наполнить себе брюхо, всё съел, выпил, а потом гнусно с ней разделался.

И оставив ей лишь скудную одежду, он побежал по дороге туда, где раньше им встретились странствующие извозчики. И конунгова дочь слепо побрела за ним, совсем как накануне. И он совершил два поступка: напал на неё с оскорблениями и убежал вперед.

Так продолжалось до вечера. И она так страдала от усталости, голода и жажды, что почти не сознавала, сможет ли ещё терпеть.

Вечер застал их в другой деревне, где им встретились те же странствующие извозчики, что и раньше. И всё произошло точно так же, как в предыдущую ночь. Бродяга играл за еду, а она лежала, измученная оскорблениями, и ничего не ела и не пила, кроме того, что он ронял из рук. И спали они точно так же, как раньше.

И когда настало утро, он продал ещё одну её юбку, чтобы набить себе брюхо. И сейчас же подобрал рваный кусок грубого льна, швырнул ей и сказал, чтобы она лучше им прикрывалась. О них нечего рассказывать, кроме того, что после этого они долго странствовали, следуя за извозчиками день за днём. Госпожа Серена так страдала от всяческого дурного обращения, что можно только удивляться тому,

---

¹²⁵ В саге использовано сложное слово *dverghundr* < *dverg* 'карлик' + *hundr* 'собака' (иногда используется в исландском для обозначения бесхвостой собаки).

как она могла это вынести, ведь она была воспитана без тревог и забот. Чаще всего она ходила босиком, терпя голод и жажду, жару и холод, и в довершение всего оскорбления и мучения того чудовища, за которым следовала и которое терзало её ночью и днём.

Так продолжалась её жизнь целых двенадцать месяцев, и каждый вечер они получали жильё от тех же странствующих извозчиков, что и прежде, и она очень измучилась от всех этих невзгод.

И однажды так случилось, что она заметила очень большой город, такой, какого никогда раньше не видала. И все башни и зубчатые стены сверкали, как золото в огне. И извозчики въехали в городские ворота. И сейчас же бродяга побежал так быстро, что она не смогла его догнать и потеряла из виду. Она немедленно устремилась за ним, пока не увидела его лежащим на дороге. Он сломал ногу и так ужасно её разmozжил, что кости вышли наружу. Она подошла к нему и спросила его со слезами, какое несчастье с ним приключилось. Однако он ответил ей по-волчьи грубо и зло, что эта беда, как и все прочие, случилась с ним из-за неё. Он сказал, что ему кажется, она не перестанет ему вредить, пока не лишит его жизни.

«Не говори так, мой дорогой! — сказала она, — ведь я сделаю всё, чтобы вернуть тебе прежнее здоровье».

«Можно попытаться сделать это побыстрее, — закричал он, — или ты думаешь, что мне подобает здесь столько лежать?».

«Что же мне делать, мой дорогой?» — сказала она.

«Попытайся, злобное создание, отнести меня в город на спине», — приказал он.

«С радостью», — ответила она.

И так и случилось, что она посадила его себе на спину. И из-за своего роста он целую вечность волочил ногу за её спиной. Ему казалось, что это путешествие вызывало у него боль, хотя она делала для этого несчастного всё, что могла. И она напрягалась изо всех сил, пытаясь бороться с этим злодеем, и ей казалось, что все, что происходило раньше, было простым, а теперь она впервые узнала, что такое настоящее горе. Однако она наконец-то дотащила его до ворот городской стены. Но случилось так, что положение несколько не улучшилось, так как когда он огляделся и понял, где оказался, то закричал: «Смотри же, — сказал он, — я давно знал, что ты, грязная тощая дрянь, попытаешься лишить меня жизни, и сейчас твоё предательство вышло наружу, ведь ты принесла меня сюда! А здесь то самое место, где мне грозит смертная казнь и где я совершил главное злодеяние. Как только я войду в эти ворота, меня повесят. Так что не смей тащить меня в этот город!»

И теперь она испытала новое горе, спрашивая, что нужно сделать. «Здесь есть, — сказал он, — хижина для странников неподалёку от ворот — отнеси меня туда!». И хотя она почти падала с ног, ей пришлось сделать это. И тотчас же она упала рядом с ним, так устав и измучившись, что ей казалось, она никогда уже не сможет встать.

Она недолго лежала там, так как он не мог более выносить её близости и начал упрекать её, говоря так: «Что ты теперь намереваешься делать? — сказал он. — Почему я должен лежать здесь без всякой помощи из-за твоей злонамеренности и лени?»

«Что я должна исполнить, мой дорогой?» — спросила она.

«Исполнить? — сказал он. — Иди в город и проси для меня милостыню».

«Как же я сделаю это? — спросила она. — Ведь я так несчастна, бедна и измучена, и никого здесь не знаю».

«Здесь за воротами в той части города, где мы находимся, — сказал он, — стоит собор, а перед ним есть место для бедных людей, и туда ежедневно приходит много горожан, и они раздают щедрые милостыни. Ложись сегодня ночью перед дверью и проси подаяния. Едва ли я умру до того, как ты вернёшься, хотя ты, конечно, этого желаешь».

Глава 18

И тогда после долгого или краткого разговора, случилось так, что она скорее поползла, чем пошла в город, и никто ей не препятствовал. И она дошла до церковной двери и пролежала там всю ночь, почти нагая, замёрзшая и голодная на холоде и морозе, и ни один человек к ней не подошёл. И когда наступил рассвет, она задремала. А в девятом часу¹²⁶ её разбудил сильный шум, и она заметила большую толпу нарядно одетых знатных людей, выходящих из церкви. И тотчас она обнаружила то, что её сердце едва могло вынести: в самой середине толпы она, как ей показалось, увидела Кларуса, королевского сына, и он был одет в ту самую тёмно-коричневую куртку с пятном, которая была испачкана до самого пояса. И ни один из этих знатных людей не сделал ей чести даже взглянуть в ту сторону, где она столь печально сидела, кроме Кларуса, королевского сына. Он выехал из толпы по направлению к ней и нанес ей такой сильный удар в ухо, что она ещё ударилась о стену, на которую опиралась, и потеряла сознание.

Придя в себя, она выбралась из города той же дорогой, по которой пришла. И теперь у неё было новое горе, её мучила мысль, что каким-то чудом Кларус, королевский сын, её узнал, хотя она и изменилась до неузнаваемости. Ведь её гордость ещё не совсем умерла, и она думала, что нет худшего несчастья, чем быть узнанной им в таком состоянии.

И как только она вышла из города, к ней приблизился человек, который выглядел как землевладелец¹²⁷, он вежливо её приветствовал и обратился к ней с такими словами: «Я понимаю, моя дорогая, — сказал он, — что у тебя едва ли была

---

¹²⁶ В оригинале сказано «в третьем часу дня», т. е. в 9 утра.

¹²⁷ Исландские законы различали землевладельцев (*búandi*, *bóndi*), работников (*gríð-maðr*) и земледельцев (*búðsetu-maðr*).

красивая и приятная жизнь, и несчастье выпало тебе на долю. Так расскажи мне, что тебя мучает больше всего».

«Многое мучает меня, — ответила она, — но больше всего то, что у меня за городом есть нищий со сломанной ногой, который находится при смерти, а у меня нет средств ему помочь».

«Это доброе дело, — вымолвил он, — так возьми же у меня столько денег, сколько тебе понадобится, чтобы ты смогла позаботиться сегодня о вас обоих».

«Ради Господней любви! — воскликнула она. — Я не знаю здесь ни одного человека, и не ведаю, где рынок, а потому я прошу тебя сохранить для меня свои деньги и достать мне еду».

«Я с радостью сделаю это, если тебе кажется, что так лучше», — пообещал он.

И сразу же ушёл и быстро возвратился, принеся много еды на весь день и кружку с питьём. Она с радостью и готовностью приняла это и горячо его поблагодарила за доброе дело. И теперь она решила, что её не ждёт ничего неприятного, так как у неё было, что принести своему спутнику. Ведь она знала, что случится, если она возвратится с пустыми руками.

И теперь она уже не останавливалась, пока не пришла к нему. Но случилось то же, что и прежде, и он осыпал её оскорблениями и руганью, говоря, что она долго не возвращалась, и что она, конечно, хотела лишить его жизни и уморить его голодом и холодом. На каждый из этих упреков она давала краткие ответы, объясняя, что совсем не хочет его погубить, но готова отдать свою жизнь, чтобы только вернуть его к прежнему состоянию. Он нисколько не смягчился от таких слов, но привстал и начал жадно поглощать еду — и можно было заметить, что сломанная нога никак ему в этом не препятствовала — и он говорил с ней, по своему обыкновению, враждебно и трусливо.

Можно быстро рассказать, что он велел ей спать снаружи ещё одну ночь, как и прежде. И в нескольких словах можно описать то, что случилось потом: она сидела, мучаясь, как и раньше, получила ещё один удар, нашла того же человека, приняла его милостыню по той же причине, что и днём раньше, возвратилась домой и получила ту же награду, что и всегда, а именно угрозы и проклятия.

И он велел ей лечь на площади в третью ночь. Но она стала возражать против этого, так как боялась, что встретит Кларуса, королевского сына. Однако она всё же пошла в город. Не нужно много времени, чтобы рассказать, что она бодрствовала всю ночь, получила третий удар, вернулась оттуда и встретила на улице того же человека, которого уже видела два раза прежде. И теперь он обратился к ней так: «Я страдаю вместе с тобой, создание Господа! — сказал он, — от того, что ты приходишь сюда каждый день в горе и в слезах. Прошу тебя, пойдём сейчас же со мною домой, чтобы сохранить и спасти твою жизнь, ведь ты достигла состояния полного истощения!».

«У меня нет никакой возможности сделать это, — ответила она, — я не могу стремиться к благополучию, если бедный человек, лежащий за городом, не получит помощи. Ведь он тотчас же умрёт, если ему не станет лучше».

«Сделай, как я говорю! — сказал он. — Ибо будет так, что твой больной найдёт хороший отдых». И он тотчас же взял её за руку и повёл её, вопреки её желанию, в свой дом, где было покойно и безопасно. И она едва могла поверить от счастья в то, что он ей сказал о её больном.

И когда она пришла в его жилище, он поставил перед ней самые богатые яства и самые изысканные вина, и сам ей прислуживал, и успокаивал её своими добрыми обещаниями, говоря, что теперь у неё всё будет хорошо и самая тяжёлая часть её жизни позади. И тогда она начала радоваться и веселиться, и снова почувствовала себя так, как в прежние времена.

Глава 19

Когда она поела и попила, хозяин встал со своего места и направился к ней. Он положил руки ей на плечи, сдёрнул с неё лохмотья и облачил её в прекрасные одеяния, подобные тем, которые она носила прежде. Затем он взял её за руку и повёл из одной комнаты в другую, пока они не пришли в огромные палаты с двумя дверями.

Она тотчас подумала, что случилось чудо: ей показалось, что она узнала свою самую дорогую прислужницу Теклу, которая шла к ней с большой толпой служанок. И все они низко склонились перед ней и сказали: «Да пошлёт тебе Господь доброго дня, наша дорогая госпожа». И они окружили её, поставив в середину, со всем почётом и торжественностью. А она едва могла понять, как ей поверить, что это происходит на самом деле, хотя всё доставляло радость ее взору. Завеса печали туманила её разум, как бури, среди которых она так долго странствовала¹²⁸, и она почти отказывалась верить, что наступят более счастливые времена, думая, что всё происходящее похоже на сон.

Они все проводили её до комнаты, которая была очень красивой, но не слишком большой. Внутри неё было совсем мало людей. Там она увидела Кларуса, королевского сына, восседавшего на престоле, и на нём было изысканное одеяние. И когда она вошла в дверь, он встал ей навстречу со всей учтивостью, взял её за руку, спустился к ней, посадил её рядом с собой и пожелал ей благословения от Господа. И затем он обратился к ней так: «Итак, госпожа Серена, — сказал он, — ты пришла сюда. Некоторое время ты страдала от несчастий и трудностей, и вынесла их с несравненным терпением и неслыханной добродетелью. Сохрани же в памяти, как можно дольше, оба эти качества, и память о том, каким жестоким человеком ты была прежде и какой преданной стала после великого испытания».

---

¹²⁸ В использованных стилистических конструкциях видели отражение вычурного, орнаментального стиля латинского оригинала (*Jakobsen A. Studier i Clarus saga. S. 5–20*).

«Посмотри сейчас, — сказал он, указывая на скамью, — на того парня со сломанной ногой, за которым ты следовала, огорчившего и беспокоившего тебя весь прошлый год своим искусством и волшебством! И это был не кто иной, как господин Перус. Теперь за твоё постоянство и редкую добродетель, мы считаем, что ты полностью прощена за своё преступление и примирена с нами, и во всех отношениях заслуживаешь того почёта, для которого рождена. Теперь ты знаешь, что есть и бóльшие волшебники, чем ты сама! Но тебе, госпожа Текла, мы должны сказать следующее. Мы помним о том, что без всяких условий пообещали тебе во Франции: что ты будешь свободна от забот, что ты поедешь со мной в Саксонию и станешь нашей королевой. Всё это остается в силе, и мы сдержим наше обещание и надеемся на лучшее, если только ты сама не согласишься с радостью от этого отказаться».

Тогда ответила госпожа Текла, сказав, что она будет счастлива уступить своей госпоже и добровольно и с готовностью отдаст её своему господину и мужу со всем почётом и славой, которые она получила бы от него и которые Господь даровал бы им в день свадьбы. «А взамен я желаю следующего: чтобы ты приготовил для меня добрые вести, принимая во внимание моё положение по отношению к тебе и моё происхождение». И исход её речи был предвестием для Кларуса и госпожи Серены, и они все поблагодарили её за добродетель.

И случилось так, что госпожа Серена приняла на себя должность королевы и исполняла её с присущим ей умением, относясь к своему господину Кларусу, королевскому сыну, со всей доброжелательностью и дружелюбием. И он отдал госпожу Теклу в жены самому знатному человеку в стране саксов, и она была очень довольна своей участью.

Сейчас можно сказать, что сага окончена, но теперь всего в нескольких словах мы можем толком объяснить, почему всё это произошло. Все эти происшествия случились только по замыслу Кларуса и благодаря искусству Перуса, с помощью которых они отомстили за те издевательства, которым Серена подвергла королевского сына. Многие люди скажут, что Перус мог бы уладить дело раньше, если бы захотел, но вначале он не мог этого сделать, хотя Кларус, королевский сын, и получил от Серены шрамы, так как не последовал советам Перуса. Потом же всё пошло не так, как она задумала, и в ту самую ночь, после того, как конунгова дочь утратила шатёр, Кларус, королевский сын, отплыл домой в страну саксов со всем своим караваном судов, а с ним госпожа Текла. Перус же начал унижать госпожу Серену с помощью многих хитрых уловок и волшебства, о которых рассказывалось некоторое время. А те странствующие извозчики, которые появлялись на их пути, были наняты Кларусом, королевским сыном. Им было сказано, куда идти, и все их расходы были возмещены. Всё это было затеяно, чтобы Серена могла показать своё постоянство, ибо они никогда не вмешивались, как бы она ни поступала, дурно или хорошо, и были уверены, что она вернётся к своему отцу. И она терпела всё это время мучения и усталость по никакой иной причине, чем её собственная

добродетель и честность. Она обратилась помыслами к тому уродливому человеку, с которым делила постель, за которым неустанно следовала день за днём, и ради этого оставила своего отца, друзей и родных, и всё своё честолюбие. Добровольно согласившись на бедность с этим оборванным странником, своим поведением она дала ясный пример того, как подобает другим добрым женщинам хранить верность своим мужьям или обручённым. Со временем случилось то, что было заслужено; и по своим достоинствам она получила то, что ей подобало за её неслыханное постоянство. Такая могущественная женщина не была доведена до бедности, но вместо этого, стала верховной королевой страны саксов, и провела жизнь в большом счастье со своим господином, заслужила хвалу и честь, приличие и благословение, и проявила королевские способности.

И на этом мы заканчиваем рассказ о Кларусе, королевском сыне, и госпоже Серене, дочери французского конунга.

Список литературы

Матюшина, И. Г. «Сага о Нитиде»: Перевод, вступительная статья, комментарий / И. Г. Матюшина // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». — 2020. — № 1. — С. 120–142.

Мелетинский, Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа / Е. М. Мелетинский. — Москва: Наука, 1986. — 320 с.

Мелетинский, Е. М. Женитьба в волшебной сказке (ее функция и место в сюжетной структуре) / Е. М. Мелетинский // Мелетинский, Е. М. Избранные статьи. Воспоминания. — Москва: Издательство РГГУ, 2008. — С. 292–303.

Мелетинский, Е. М. Герой волшебной сказки: происхождение образа / Е. М. Мелетинский. — Москва; Санкт-Петербург: Академия Исследований Культуры; Традиция, 2005. — 240 с.

Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1986. — 370 с.

Сага об Инглингах / пер. М. И. Стеблин-Каменского // Снорри Стурлусон. Круг Земной / изд. подг. А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. — Москва: Наука, 1980. — С. 11–37.

Aarne, A. Types of the Folktale: a Classification and Bibliography / A. Aarne, S. Thompson. — 2nd revision. — Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 1981. — 584 p. — (FF Communications. Vol. 75, no. 184).

Bernström, J. Gamar / J. Bernström // Kulturhistoriskt lexikon för nordisk medeltid, från vikingatid till reformationstid / utg. I. Andersson, J. Granlund. — Malmö: Allhem, 1960. — Bd. 5. Frälsebrev — Gästgiveri. — Sp. 169–170

Bibire, P. From Riddarasaga to Lygisaga: the Norse Response to Romance / P. Bibire // Les Sagas de Chevaliers (Riddarasögur): Actes de la Ve Conférence

Internationale sur les Sagas (Toulon, Juillet 1982) / éd. par R. Boyer. — Toulon : Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 1985. — P. 55–74. — (Civilisations 10).

Biskupa sögur III : Árna saga biskups, Lárentius saga biskups, Sögubáttir Jóns Halldórssonar biskups, Biskupa ættir / Guðrún Ása Grímsdóttir gáf út. — Reykjavík : Hið íslenska fornritafélag, 1998. — 493 bls. — (Íslensk fornrit. Bd. 17).

Bonser, W. The Mythology of the Kalevala, with Notes on Bear-worship among the Finns / W. Bonser // Folklore. — 1928. — Vol. 39, issue 4. — P. 344–358.

Bornholdt, Cl. Engaging Moments : the Origins of Medieval Bridal-Quest Narrative / Cl. Bornholdt. — Berlin : de Gruyter, 2005. — 242 S. — (Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Bd. 46).

Clári saga / hrsg. G. Cederschiöld. — Halle a. S. : Verlag von Max Niemeyer, 1907. — 122 S. — (Altnordische Saga-Bibliothek. H. 12).

Clári saga // Riddarasögur / Bjarni Vilhjálmsson gáf út. Reykjavík : Íslendingasagnaútgáfan & Haukdalsútgáfan, 1954. — Bd. V. — Bls. 1–61

Den ældre Gulatings-Lov // Norges gamle love indtil 1387 / utg. ved R. Keyser og P. A. Munch. — Christiania : Chr. Grøndahl, 1846. — Bd. I. Norges love ældre end Kong Magnus Haakonssøns regeringstiltrædelse i 1263. — S. 1–118.

Hallberg, P. Stilsignalement och författarskap i norrön sagalitteratur : synpunkter och exempel / P. Hallberg. — Göteborg : Almqvist & Wiksell, 1968. — 262 s. — (Acta Nordistica Gothoburgensia. Vol. 3).

Hughes, S. F. D. *Klári saga* as an Indigenous Romance / S. F. D. Hughes // Romance and Love in Late Medieval and Early Modern Iceland : Essays in Honor of Marianne Kalinke / ed. by K. Wolf and J. Denzin. — Ithaca (NY) : Cornell University Library, 2008. — P. 135–164.

Jakobsen, A. Studier i Clarus saga: til spørsmålet om sagaens norske proveniens / A. Jakobsen // Årbok for Universitetet i Bergen. Humanistisk serie. No. 23. 1963. — Bergen ; Oslo : Universitetsforlaget, 1964. — 125 s.

Jóhanna Katrín Friðriksdóttir. From Heroic Legend to 'Medieval Screwball Comedy'? The Origins, Development and Interpretation of the Maiden-King Narrative / Jóhanna Katrín Friðriksdóttir // The Legendary Sagas : Origins and Development / ed. by A. Ney, A. Lassen, Ármann Jakobsson. — Reykjavík : University of Iceland Press, 2012. — P. 229–249.

Johansson, K. G. A Scriptorium in Northern Iceland : *Clarus saga* (AM 657b 4to) revisited / K. G. Johansson // Sagas and the Norwegian experience = Sagaene og Noreg : 10th International Saga Conference, Trondheim, 3–9 August 1997 : Preprints = Fortrykk / ed. J. R. Hagland. — Trondheim : Senter for Middelalderstudier, 1997. — P. 3233–331.

Johansson, K. G. Texter i rörelse. Översättning, original textproduktion och trading på norra Island 1150–1400 / K. G. Johansson // Übersetzen im skandinavischen Mittelalter / hrsg. V. Johanterwage und S. Würth. — Wien : Fassbaender, 2007. — S. 83–106. — (Studia Mediaevalia Septentrionalia. Bd. 14).

Kalinke, M. *Bibliography of Old Norse-Icelandic Romances* / M. Kalinke, P. M. Mitchell. — Ithaca (NY) : Cornell University Press, 1985. — 140 p. — (Islandica. Vol. 44).

Kalinke, M. *Bridal-Quest Romance in Medieval Iceland* / M. Kalinke. — Ithaca (NY) : Cornell University Press, 1990. — 223 p. — (Islandica. Vol. 46).

Kalinke, M. *Clári saga : a Case of Low German Infiltration* / M. Kalinke // *Scripta Islandica : Isländska sällskapets årsbok*. — 2008. — Vol. 59. — S. 5–25.

Maksymiuk, S. *The Court Magician in Medieval German Romance* / S. Maksymiuk. — Frankfurt am Main : Peter Lang, 1996. — 185 p. — (Mikrokosmos. Bd. 44).

Sources of Anglo-Saxon Literary Culture : Volume One : Abbo of Fleury, Abbo of Saint-Germain-des-Pres and Acta Sanctorum / ed. by F. M. Biggs, T. D. Hill, P. E. Szannach and E. G. Whatley, with the assistance of D. A. Oosterhouse. — Kalamazoo (MI) : Medieval Institute Publications, 2001. — 548 p.

Zach, Chr. *Die Erzählmotive der Crône Heinrichs von dem Türlin und ihre altfranzösischen Quellen : ein kommentiertes Register* / Chr. Zach. — Passau : Wissenschaftsverlag Richard Rothe, 1990. — 411 S.